Сын ведьмы

Автор:
Александр Седых

Сын ведьмы

Александр Седых

Вячеслав Седых

Сын ведьмы #1

Сыну ведьмы судьбой уготованы тяжкие испытания. Его дух будет закаляться в горниле Первой мировой и хаосе Гражданской войны, да и в Южной Америке доведётся изрядно повоевать. Зато с телом бойцу повезло – чудная наследственность, силой мысли может управлять гравитационным полем. И левитация – самый невинный дар от инопланетной ведьмы, с остальными подарками сироте предстоит разбираться всю жизнь. Стезя воина лёгкой не бывает, даже в параллельном мире.

Александр Седых, Вячеслав Седых

Сын ведьмы

Книга 1

Пролог

Душная летняя ночь. В окно казацкого куреня нагло заглядывает полная луна. Жёлтый луч медленно крадётся к морщинистому лицу седобородого старца. Наконец свет трогает закрытые веки. Во дворе поднимает тревогу пёс, лай быстро переходит в жалобное поскуливание.

Матвей Ермолаев резко просыпается, соскакивает с кровати и выглядывает в окно. Напротив, в маленькой станичной церквушке настежь распахнута дверь. В колышущемся свете зажжённой внутри свечи отчётливо видна заползающая, словно чёрная змея, тень за порогом. Тёмный силуэт высокой фигуры исчезает в дверном проёме. Свет усиливается, одновременно вспыхивают многочисленные свечи в церкви. Тихо, протяжно, жалобно стонет колокол, будто ветер гудит.

Старец торопливо натягивает поповскую рясу, вешает на грудь массивный медный крест и босиком бежит к церкви.

У алтаря замерла очень высокая стройная женская фигура в чёрном платье до пят. Задрав голову, рассматривает лики святых на иконостасе. Непослушные длинные чёрные пряди волос разметались по плечам.

– Негоже женщине с непокрытым челом в храм входить! – прямо с порога набросился на нарушительницу церковных устоев суровый батюшка.

– Матвей, я в твою богадельню не молиться среди ночи пришла, – молодая женщина грациозно обернулась. В руках она нежно держала свёрток с младенцем. – Ты, сводный братишка, теперь станешь ещё и крёстным отцом моего дитя.

– Фелиция, не по обряду это – самому крестника крестить. Да и не в ночи святое таинство твориться должно, – насупил седые брови святой старец. Отношения со сводной сестрой у него сложились непростые. – Не богохульствуй, ведьма! Полсотни лет по миру шлялась, а теперь грехи отмолить решила!

– По разным мирам много хаживала, – тряхнув волосами, нагло сверкнула белозубой улыбкой очаровательная красотка. – Ты, братец, не корчи из себя святого, сам в молодости славно погулял, да и в Турецкую войну шашкой нарубил врагов гору. А помнишь, как ты за голой старшей сестрой в бане подглядывал?

Красавица медленно опустила руку к коленке и, осторожно захватив ткань платья двумя тонкими изящными пальчиками, резко подняла к поясу, соблазнительно обнажив выставленную вперёд стройную ножку в туфельке на высоком каблучке.

Колдунья мгновенно пробудила в старом казаке забытые мужские желания.

– Я уж почти полвека былые грехи замаливаю, – поп ухватился ладонью за крест на груди и, стиснув зубы, погнал прочь бесовское наваждение. – Побойся бога, девка распутная! Уж нам помирать скоро, а ты всё не перебесишься.

– Коли сейчас с тобой, старый, сговоримся о деле, – моложавая ведьма озорно подмигнула седобородому братцу, – свои два десятка лет жизни тебе добавлю. Будет время из крестника воина воспитать.

– Не продам душу дьяволу! – ещё крепче, до боли в пальцах, сжал медный крест на груди стойкий поп.

– Матвей, ты же понимаешь – от ведьмы дитя хорошим манерам не научится, – горько вздохнула непутёвая мамаша. – Ну какая из меня воспитательница? Я же всю жизнь только для своего удовольствия жила – не научена я чем-то жертвовать ради других. Не хочу, чтобы мой сын вырос таким же бездушным эгоистом. Кому много богом дано, с того и спрос больше.

– А ведь когда-то одна настырная девчонка, презрев все опасности, ушла из нашего дома искать родную мать, – с укором напомнил давние события названный брат.

– Не позволяй крестнику совершить роковую ошибку. Рождение сына у ведьмы – это аномалия, – отрицательно покачала головой сестрица. – В мой родной мир мальчику хода нет. На ведьмака весь колдовской клан накинется. Там он либо станет королём, либо умрёт. Но уж возмужать и набраться сил ему точно не дадут. Ты хочешь крестнику смерти?!

– Эх, ведьмы, твари жестокие, – в сердцах простонал старик, не понимая такого отношения к детям. – Как же ты, душегубка проклятая, от своего дитя отказываешься?

– Спасти хочу, – потупив взор, тяжело вздохнула мать. – Вспомни, ведь я и сама подкидышем была. Воспитай настоящего воина, а он за это твой казачий род от истребления спасёт.

– Неужто опять большую войну чуешь? – нахмурил брови казак. Знал он талант сестрицы – беду накликать.

– Первая мировая грядёт, – кивнула пророчица. – А затем начнётся братоубийственная резня по всей Российской империи.

– Мы в Русской империи живём, – поправил старик путешественницу по заграничью.

– Я видела, на денежных ассигнациях лик Николая Второго отпечатан. Значит, разница небольшая, – скривившись, словно лимоном закусила, отмахнулась чужестранка. – История почти такая же.

– Загадками говоришь, – недовольно поморщился старик. Каноническая церковь отвергает лжепророчества идолопоклонников. Но казаки хоть и сильны верой православной, однако и к вещим снам относились с уважением. – Что конкретно в колдовских снах видела?

– Кабы во снах, – грустно усмехнулась ведунья. – Я реки крови воочию видела, десятки миллионов человек в землю легли. Колесницу истории в одиночку не повернуть. И предотвратить всеобщее безумие никому не под силу. Но герой может спасти избранных.

– Когда война грянет? – уже уверовал в грозное пророчество старец.

– Должно быть, летом 1914 года, – пожала плечами ведьма.

– Так сыну твоему только четырнадцать исполнится, – с недоумением всплеснул руками Матвей. – Как же такой малец большую беду отведёт?!

– А ты его не настраивай весь мир переворачивать, – зло хохотнула беспечная мамаша. – Пусть поначалу собой пять казаков от призыва заменит. У тебя ведь столько внуков к тому сроку подрастёт?

– Как взрослых казаков может заменить ребёнок?!

– Мальчонка быстро вырастет, – подмигнув, заверила ведьма. – Ты, главное, его дух правильно к войне подготовь, а мощь в его теле кроется не человеческая. Научи сына скрывать до поры свою истинную силу, или людишки монстру житья не дадут. Научи воина любить и защищать род, выкормивший его, а то бед от чудовища не оберёшься. Пусть лучше станет таким же, как мой названный братец, честным бессребреником, чем алчным до власти владыкой.

– Как сына-то нарекла?

– Алексеем, как отца звали.

– Неужто нет больше станичного атамана?! – ужаснулся старик. – За что лучшего казака сгубила?!

Волосы ведьмы встали дыбом, как наэлектризованные. Глубоко в бездне чёрных зрачков вспыхнули дьявольские огни.

– Я ему душу открыла! Полюбила! А он испугался правды моей, отринул ведьмину любовь, да ещё и утеху на стороне нашёл.

– Сама-то тоже девка не без греха, сколько в молодости кавалеров поменяла, скольких с ума свела? – с упрёком покачал головой старик.

– Да уж без счёта, – быстро погасив нервный всплеск, довольно рассмеялась ведьма и вновь превратилась в милую прелестницу. – Только ни от кого раньше дитя понести не смогла, а тут, на старости лет, такое парадоксальное совпадение тел. Видно, в роду атамана тоже ведьмы водились. Я ведь почти решилась остепениться, почитай год в родном селе смирно живу.

– Тебя здесь никто не признал, все знакомые старики и старухи померли. Ты ведь юной девицей сбежала мир повидать.

Старик всё же немного завидовал непутёвой сестрёнке.

– Миры, – подняв указательный палец, поправила ведьма. – Зато погуляла всласть, а ты на одном месте пнём просидел, что видел?

– Жизнь не зря прожил. За отечество сражался, жену любил… до самой смерти любил. Бог трёх сыновей дал, пять внуков, восемь внучек.

Тепло разлилось под крестом в груди старика.

– И я, наконец-то, мужика полюбила… до смерти, – злобно рассмеялась ведьма. – А вот измену простить не смогла – дура ревнивая!

– У тебя всегда был характер – огонь. Веру бы приняла православную, так и сдержала бы душу басурманскую, – пробормотал старик, хотя не очень-то и верил вырвавшимся словам.

– Вот, братишка, сына тебе на воспитание и отдаю, сама не смогу человеком воспитать. Не хочу чудовище вырастить. Опостылела мне жизнь бессмысленная и жестокая, а себя переделать не смогу. Если возьмёшь сына, то обещаю больше в твоём мире никого не убивать. А не то ты меня знаешь, распалю в душе злобу лютую – всё село сожгу, всех казаков порешу!

– Не сметь, ведьма! – бешено взревел старик. За своих станичников он мог зубами рвать врага, даже несмотря на церковный сан.

– Так казаки сами за смертью утром к моей хате придут, за атамана мстить. Ночью-то боятся, сидят по хатам, самогоном храбрятся. Не дай, поп, душ невинных без счёта загубить. Возьми мою ношу, позволь тихо уйти в иной мир.

Ведьма бесшумно приблизилась вплотную к попу и выпустила из рук куль с ребёнком.

Матвей инстинктивно бросился подхватить, но ладони остались пусты. Куль недвижимо парил в воздухе, не падал! Лишь через долгую секунду плавно опустился в подставленные ладони.

– Ты взял, брат, теперь это твоя ноша, – победно рассмеявшись, ведьма, словно привидение, обтекла поражённого попа и беззвучно упорхнула в ночь.

Что хотела, она сделала. Колесо истории, наскочив на небольшой камешек, должно повернуть в сторону, образовав новую вероятность.

Поп с ребёнком бросился к порогу. Но лишь заметил, как чёрная тень на мгновение закрыла лунный диск – может птица ночная, может ведьма?

– Кукушка проклятая! – в сердцах крикнул вслед непутёвой сестрице старик и прижал невесомое тельце к груди. Младенец спал, тихонечко посапывая.

Удручённый нежданным событием, старый Матвей так и стоял босиком на пороге святой обители, держа в руках невесомый свёрток. Долго слушал, как перед рассветом пели соловьи, и с окаменевшим лицом глядел на разгорающийся дом ведьмы на окраине посёлка.

Внезапно соловьи смолкли, а в тиши далеко разносилось дивное пенье на чужестранном языке, даже слёзы наворачивались от жалостливых интонаций. Ближе смотреть не пошёл, но люди потом рассказывали, что песня звучала до конца, пока дом не сгорел полностью. И ещё сбежавшимся на огонь станичникам почудилось, что когда крыша провалилась внутрь, то будто бы вместе со снопом алых искр и клубами дыма в небо унеслась к умирающим звёздам чёрная тень ведьмы.

Часть 1

Басурманин

Глава 1

Один – за пять казаков!

Самые первые годы жизни Алексей уже не помнил. Хотя некоторые моменты из детства запали в душу. Маленьким ему нравилось играть с огнём свечи. Только

дядька Матвей ругался, когда замечал, что бесёнок опять вытягивает ручонками пламя в струйку и «дули из огня крутит». А ещё он любил соревноваться с котом Васькой, кто быстрее мышку изловит. Этой забаве дядька Матвей не мешал, лишь с усмешкой следил, чтобы Алексей сидел смирно и не жульничал – ладошками мышонка из-под пола на себя не гнал бесовской Силой. Упражнение вырабатывало в охотнике терпение, ведь кот мог часами караулить добычу. Зато мальчонка видел все движения мышонка и ловил воришку у самой норки раньше кота.

Сыну ведьмы было трудно скрывать от общества «слепых» людей, что он видит мир в полях Силы. А ещё труднее не показывать прилюдно, что умеет этой Силой управлять. Даже имя чудесной Силы он узнал только недавно от городского учителя, который приезжал преподавать уроки естествознания в местную школу. Учитель называл Силу – гравитацией, но, по его словам, гравитационные поля направлялись строго в центр массы тела. Люди жили в плоскости земной поверхности под давлением вертикальной составляющей гравитационного поля планеты. Однако же сын ведьмы видел поля силы и у отдельных предметов. И он умел искривлять эти поля, даже менять направление на противоположное. Чем ближе к пацану располагался предмет, тем легче получалось изменять свойства поля. Проще всего управлять собственным телом. Его можно направить в полёт вверх или в любую сторону, а можно увеличить плотность потока внутри, тогда тело приобретало плотность камня. Но обычно сын ведьмы уравновешивал внутренний силовой поток с внешним и пребывал в невесомости, только одежда и сапоги придавливали к земле.

– Опять размечтался, лентяй! Не вижу следов! – обернувшись с седла, строго прикрикнул на мученика строгий седой дед.

Позади коня по пыльной просёлочной дороге бежал худощавый черноволосый паренёк с деревянным коробом на кожаных лямках через плечи. То, что при беге не слышно шума – наставнику нравилось, но вот что в пыли на дороге, на добрую сотню шагов, не отпечаталось следов от сапог – очень удручало. Значит, Ведьмин Сын, как дразнили паренька в станице, опять за своё взялся – левитирует, тиха?ря. Матвей запрещал бесёнку летать, иначе нормальные мышцы не сформируются, так и будет худосочным скелетом народ смущать. Как объяснить людям нечеловеческую силу приёмного сына? Вон у парня за плечами короб с камнями, а он за пять вёрст пути даже не вспотел! Специально загрузил груз побольше, чтобы придавить тело к земле, но мальчишка сумел вес обнулить – с каждым разом у него растёт не сила мышц, а возрастает способность

управлять массой окружающих предметов. Матвей, конечно, и такому обороту радовался, однако и человеческие возможности надо тренировать. Но придумать новые упражнения уже не получалось. Пока мал был Алексей, обучался воинским качествам: терпению, храбрости, быстрой реакции. Когда подрос – премудростям боя: владению саблей, ножом, стрельбе из револьвера и карабина, рукопашному бою и скрытному передвижению.

Не было у Алексея нормального детства – вся жизнь игра в войнушку. Да, для мальчишки любое суровое испытание казалось увлекательной игрой, других развлечений просто не принимал. В станице все сторонились сына ведьмы, бабки плевались вслед, мужики крестились, а мальчишки кидались камнями. Хотя Алексею такая забава очень нравилась. Благодаря ви?дению Силы он отслеживал движение чужих тел даже со спины. Легко ловил брошенные камни или уклонялся, а если летели слишком густо, то отбивал ладошками. Тогда уж могло прилететь и обидчикам – рикошет не щадил никого. Однако жаловаться станичному попу на его подопечного никто не приходил. Хоть и не любили сына ведьмы, но многие знали, что поп его готовит для защиты казачьего рода. Про грядущую мировую войну верилось с трудом, но от мелких напастей сын ведьмы спасал станичников уже сейчас. Странный мальчишка уходил в ночь с одним ножом и возвращался с волчьей шкурой. Во всей округе теперь волков не сыщешь.

Обращались к юному следопыту и с просьбой разыскать потерявшуюся на пастбище тёлочку. Причём он отправлялся в поиск даже в дождливую ночь, и к утру неизменно приводил пропажу.

В школу Алексей не ходил, его обучал грамоте и математике сам дядька Матвей. Заставил наизусть выучить библию и псалтырь, других книг в доме попа не нашлось. Обучал читать войсковые карты, что ещё с Турецкой войны завалялись в сундуке. Иногда в станицу приезжали городские учителя по предметам естествознания, лишь тогда Алексей шёл в класс к остальным школярам и задавал умные вопросы. Матвея уговаривали отправить смышлёного паренька учиться в гимназию, но дядька понимал, что отпускать такое чудо далеко от себя нельзя – только людей пугать. Старик упорно готовил мальчишку к выживанию на войне.

– Дядька Матвей, за нами по дороге, в версте, конный отряд в полтораста сабель, – не сбив дыхание, известил наставника бегун.

Матвей остановил коня, оглянулся – дальний обзор закрывала рощица, жаркое летнее марево колыхало полуденный воздух, но лёгкое облачко пыли над кронами деревьев опытный взгляд казака рассмотрел.

– Не верю! Как узнал? – укорил бестолкового ученика казак.

Гневить дядьку объяснением искажения гравитационных полей Алексей не стал. Сбросил с плеч деревянный короб и, упав на дорогу, приложил ухо к земле.

– Слышу топот копыт. Сто шестьдесят два всадника и три телеги, – изобразил жуткое напряжение на лице следопыт.

– Излишняя точность подозрительна, – погрозил пальцем наставник, в очередной раз намекая на секретность. – Первый доклад мне понравился больше, только надо сперва изображать усилие, а уж потом удивлять окружающих.

– Так нет же никого близко, – вскочил на ноги следопыт. С тихим хлопком пыль с лица и одежды слетела серым облачком, словно пыльный половик резко встряхнули.

– А увидит кто? – сурово сдвинул брови поп и перекрестился.

– Я бы вперёд заметил наблюдателя, – гордо улыбнулся хвастунишка. Живые тела имели свой спектр Силы.

– Тебе среди людей жить, а не в дикой степи. Ты должен каждый свой шаг контролировать, чтобы за обычного человека сойти.

– Так я в обществе и маскируюсь под обычного. В станице ведь никто же не знает, что я по ночам летаю.

– Никогда не показывай на людях свою бесовскую Силу, – в тысячный раз вдалбливал прописную истину в голову мальчишки старик. Трудно ему приходилось с не по человеческим меркам развитым учеником. – И всегда готовь заранее объяснение проявлению Силы.

– Я же и физическое тело тоже тренирую, – подняв рубаху, показал рельефные кубики пресса молодой атлет.

– Худощавый паренёк не может одной рукой гружёную телегу приподнять, – укорил за недавний проступок Матвей.

– Так колесо же на ступицу оси насадить нужно было. Твой же внук попросил. Не бросать же родича на дороге без помощи.

– Не только тело, но и мозги развивать надо! Применил бы рычаг. Не нашлось бы под рукой длинной дровеняки – оглоблю с телеги использовали бы.

– Так своему же помог, думал, не разболтает, – понурил голову виновник.

– Даже от своих таиться надо! В прежние века таких чудиков на кострах сжигали!

– Как мамку?

– Сестрица непутёвая сама из нашего мира ушла. А тебе определила стезю воина – свой казачий род от смерти спасать.

– Так я же и прошу на войну меня отпустить. Вон в газете написали про набор казачьего войска. И в городах молодёжь в добровольцы записывается, – с недоумением глядел на наставника парень.

– Эх, не хотел я грех на душу брать, да видно от судьбы не уйдёшь, – горестно вздохнул старик. Подъехал к воспитаннику ближе и потрепал густую чёрную шевелюру. Предчувствие скорой разлуки тисками сжало сердце. – Наверное, сейчас тебя в войско определять будем.

Пыля по дороге, казачий отряд скоро нагнал двух странных путников. К седовласому бородатому попу подъехал атаман.

– Далеко ли до Холодных ручьёв, старик?!

– И тебе здрасьте, казачок, – недобро усмехнулся поп. – Станица впереди за холмом, мимо не проскачешь. Но ты коня-то попридержи, дело у меня к тебе… секретное.

Пожилой бородатый казак махнул нагайкой, указав остальным не останавливаться, а сам присмотрелся к очень странному попу.

– А ты, батюшка, никак тоже вместе с нами на войну собрался, – с удивлением заметил казак висевшие на луке седла попа кавалерийский карабин, казачью шашку в потёртых ножнах и револьверную кобуру на офицерском ремне.

– Стар я для царского призыва, уж девятый десяток землю топчу. А вот пятерых моих внуков забрать ты мог бы, но…

Заинтриговал дед опытного казака.

– И кто помешает?

– Но возьмёшь вместо пятерых обычных казаков одного чудо-казака.

– Не этот ли юный басурманин тот чудик? – расхохотался догадливый казак, заметив, как гордо выпятил грудь молодой худощавый паренёк лет шестнадцати-семнадцати. Судя по чёрным волосам и носу с горбинкой, южных кровей в казачке намешано с избытком.

– Алексей – православный казак, – заступился за приёмного сына Матвей. Ему не понравилось пренебрежение атамана к неизвестным путникам. Настоящий боец должен бы обратить внимание на знаковые мелочи. – И подобного воина ты ещё не видывал. Тут недалече полигон устроен. Поедем, посмотришь, только без лишних глаз.

– Ну, поедем, старче. Повесели бывалого вояку, – рассмеялся атаман в расшитых золотом погонах. Необычный поп его всё же заинтересовал.

Алексей никогда не видел таких погон на казаках, наверняка чин большой. Вообще, это был пробел в его военной подготовке – дядька Матвей не обучал воспитанника строевой муштре и воинской субординации. Но спрашивать сейчас

казалось не к месту, юноша закинул за плечи деревянный короб и трусцой поспешил за удаляющимися стариками.

Пока добрались до полигона, казаки познакомились чуть ближе. Матвей узнал, что Никифор Плетнёв, так звали атамана, успел повоевать на Маньчжурском фронте с японцами. А атаман, наконец, понял, что повстречался с легендарным Матвеем Ермолаевым – героем ещё Турецкой компании, той войны, когда самого Никифора и на свете-то не было.

– Какой-то странный полигон, – удивлённо осмотрел пологий склон холма казак.

Среди густо поросшей степным ковылём каменистой земли зияли глубокие траншеи, виднелись бревенчатые настилы блиндажей, стояли избитые пулями деревянные идолы в человеческий рост, некоторые были словно топором изрублены. На самом гребне холма вертикально торчали жердины с оранжевыми тыквами на конце.

– Земелька бросовая, вот и балуемся с мальцом тут, – слезая с коня, объяснился Матвей. – С чего экзамен начнём?

– Пусть казак сперва выездку покажет. С седла по тыквам отстреляется. А потом шашкой на полном скаку жерди срубит.

Атаман предполагал, что паренёк будет двигаться по плоской вершине холма. Однако Алексей, сбросив с плеч ношу, прыжком вскочил в седло, освобождённое наставником, и погнал коня вниз по склону. На ходу он закинул за спину карабин и опоясался ремнём с шашкой в ножнах и кобурой револьвера. При этом конь перепрыгивал через траншеи и всё ускорял бег под горку. Достигнув подножия холма, Алексей снял со спины карабин и, развернувшись в седле, выстрелил.

Оранжевая «голова» жердины разлетелась на осколки.

– Ух ты, на скаку, с трёхсот шагов, прямо в тыкву?! – вырвался озадаченный возглас у бывалого казака. Очень редко кто способен на такой трюк.

– Ещё чего, эдак на бесёнка тыкв не напасёшься, – проворчал старик. – С глины «головы» лепим.

Тем временем Алексей поворотил коня и погнал его в гору. Наездник привстал в стременах и произвёл ещё четыре точных выстрела, на ходу щёлкая затвором карабина. Его тело двигалось словно по линии, параллельной земле. А конь мчался к вершине, будто скакал по ровной степи. Не чуя седока, конь легко перепрыгивал ямы и траншеи.

– Пегас с крыльями! – восхищался могучим конём атаман.

Он же не мог вообразить, что наездник и впрямь летит над седлом, да ещё и бесовской силой скакуну помогает ямы перепрыгивать. Алексей задал вектор Силы вдоль склона холма, подтягивая к вершине и коня тоже.

– Обученный конь. Сивкой кличут, – гордо огладил бороду ладонью святой отец, с превосходством поглядывая на собеседника.

Алексей лихо закинул карабин за спину, достал из кобуры револьвер и разрядил его семью выстрелами в глиняные головы. Затем выхватил шашку и, лавируя между жердинами, секущими ударами снёс все верхушки.

– Готово, дядька Матвей! – подскакал к наблюдателям довольный собой паренёк.

– Сейчас проверим, – заподозрил какой-то подвох атаман и подъехал ближе к срубленным жердинам.

Увиденное его поразило: на земле среди глиняных осколков валялись острые полуметровые колышки. Только им подходило больше название – пенёчки, каждый толщиной в руку. А шашка, видать, у казака непростая – булатной стали клинок.

– Да таким ударом всадника можно до седла надвое развалить! – обернулся казак к подъехавшему на коне старику. – А паренёк куда делся?

– На вершине холма сховался, поди, сыщи моего пластуна, – хитро подмигнул атаману седобородый наставник. Его забавляло недоумение казака.

Тот усмехнулся и медленно двинулся по следам от подков Сивки к прежней стоянке. Проследил всю цепочку шагов, заметил место, где Матвей сел на коня,

но следов от сапог парня не обнаружил.

Никифор начал расширять поиск, медленно раскручивая спираль движения. Наконец на очередном витке добрёл до брошенного деревянного короба. Вершина холма поросла высокой травой, но с коня отлично просматривалась на десятки метров. Вокруг негде спрятаться, разве что зарыться в каменистый грунт. Так у парня и времени на то не было, да и следов не скроешь.

Вдруг в голову Никифору пришла дикая мысль: а не в короб ли влез худосочный паренёк? Казак подъехал ближе, наклонился с седла и попробовал приподнять короб за наплечный ремень.

Даже от земли оторвать тяжесть не смог!

– А ну, вылазь на свет, фокусник! – гаркнул атаман и, потянув за кожаную лямку, опрокинул короб набок.

Деревянная крышка откинулась, и на землю вывалилась… груда плоских камней!

Никифор не заметил, как в пяти шагах позади него вспучился грунт, упали стебли травы, и бесшумно поднялась из земли серая мумия.

Адская тварь прыгнула. Пыль в полёте отделилась с тихим хлопком, оставив в воздухе серый дымный след.

Никифор резко обернулся на странный звук.

Конь присел под добавившимся грузом. На круп вскочил чужак.

Крепкий захват чужой руки сжал шею Никифора, словно стальные тиски. У самых глаз замерло сверкающее на солнце лезвие засапожного ножа.

– Дядька, ты убит! – задорно известила улыбающаяся до ушей мальчишеская физиономия.

– По-ра-жён, – выдохнул потрясённый такими фокусами бывалый казак. А ведь даже опасности не почувствовал, пока нож не оказался перед глазами.

– Так врага берут в плен, а дозорного можно и броском ножа снять, – недовольно проворчал подъехавший ближе старик, строго поглядывая на парня.

– И эт мы можем! – спрыгнул на землю разведчик, перекувыркнулся и метнул короткий клинок в ближайшую жердь.

Нож тёмным росчерком промелькнул в воздухе и с громким треском насквозь пробил середину древка.

Никифора впечатлила не только точность дальнего броска, но и сила. Нож вошёл в дерево чуть ли не по рукоять.

– Как же ты его теперь вытащишь? – вырвалось удивление у атамана.

– Бог силушкой не обидел, – пожал плечами юноша, быстрым шагом подошёл к пробитому толстенному дрыну, ухватился правой ладонью за рукоять ножа и… замер.

Алексей воровато зыркнул на нахмурившегося дядьку Матвея, упёрся левой рукой в жердину, изобразил на лице жуткое напряжение и потянул за рукоять. Лезвие ножа, с натужным скрипом, будто ржавый гвоздь из доски тянут, медленно вылезло из деревянных тисков. Алексей шумно выдохнул, картинно вытер пот со лба и плавным точным движением спрятал нож за голенище сапога.

Когда возился с ножом, чудо-казачок повернулся спиной к Никифору. И что-то следов на светлой рубахе от пота незаметно. Ткань не была идеально белой, но парень всю дорогу к полигону бежал с неподъёмной ношей за плечами, затем ползал и кувыркался в пыли. Да мокрая рубаха уже должна превратиться в грязную тряпку.

– А ведь твой казачок даже не вспотел! – подозрительно прищурился атаман.

– Жилистый парнишка, – скривился от неудобного вопроса попик. Опять ученик прокололся на мелочах. – Бог таким уродил.

– По мне, хоть дьявол, – хмыкнул казак, – лишь бы супостата крошил справно. А твой воспитанник пятерых бойцов стоит. Только вот видно, паренёк годами к призыву ещё не годен.

– Царёвым указом призвать не выйдет, – хитро усмехнулся старик. – А вот вольнонаёмным пойти может.

– Как басурманин, что призыву не подлежит? На Кавказе из таких доброхотов целую Дикую дивизию формируют. Царь хорошее жалование платит.

– Ну, на дивизию я тебе бойцов не наготовил, – хохотнул поп, – а вот одного джигита пристроить в конную сотню сможешь. Малец лошадей любит. Зачисли его хоть конопасом.

– Пусть будет по-твоему, старик. Пяток рядовых казаков я и в следующей станице доберу, – потеребил окладистую бороду атаман, – а вот другого такого… конопаса не сыскать. Только уж пусть и Сивку своего на войну возьмёт, я из полковой казны стоимость верну. За оружие и обмундирование тоже, ведь не военнообязанным казаком идёт. Кстати, годков-то мальчишке сколько?

– Если по метрике смотреть, то семнадцать. – Матвей дату рождения крестника сразу подправленную записал, ведь учётными книгами в станице сам поп и заведовал.

– Маловато, но, если полкового писаря заинтересовать, то недочёт не заметит, – махнул рукой на нарушение инструкции атаман.

– Алексей, беги напрямки домой, скажи невесткам: пусть стол накроют да баньку растопят. У нас атаман на постой станет, – старик увидел, как мальчишка метнулся за брошенным коробом, и недовольно рыкнул: – Брось, игры кончились!

– Ура-а-а!!!

Алексей стремглав бросился вниз по склону. Никифор проводил бегуна заинтересованным взглядом. Конечно, так быстро с горки бежать молодой парень может, но надолго ли дыхания хватит такой темп поддерживать? Матвей отвлёк казака разговором, а когда тот обернулся, то малец уже скрылся из вида. Может, в овражек сиганул, может, уже за соседним холмом скрылся? По пересечённой местности за таким шустрым парнем и на коне не угнаться!

Сутки прошли в суете проводов. Два десятка молодых казаков влились в отряд рекрутов. Как водится, казаки выпили стременную, затянули песню. Только пять внуков Матвея остались невесело топтаться за околицей. Оспорить решение деда никто не смел, но недовольство показывали всем видом.

Настроение у остальных станичников было приподнятое. Люди верили, что до листопада война закончится, и казаки с победой и трофеями вернутся в родную станицу. Такое бравурное настроение царило во всей Русской империи: армия крепка, флот могуч! В городах студенты массово записывались в добровольцы. Иноверцы выстраивались в очередь для записи в вольнонаёмные. Работы в аулах не было, а на фронте платили солидное жалование. Пока война воспринималась всеми несерьёзно: одни видели возможность урвать деньжат, другие грезили подвигами и славой, а призывники покорно брели быстренько отслужить повинность и к осени вернуться к плугу или станку.

Только старый Матвей верил в жуткое пророчество ведьмы.

– Алексей, в пекло не лезь, за славой не гонись, – сняв с шеи маленький серебряный крестик на шнурке, Матвей вложил талисман в ладонь крестника. В глазах блеснули слезинки. – Ещё с Турецкой войны меня хранит. Теперь пусть тебя оберегает.

– Мне мой медный ближе, – смутился дорогому подарку парнишка. – Да и в бога я верю… не очень.

– Крестик за-го-во-рённый, – поднял указательный палец поп. – Сводная сестра умела чудить.

– Все говорят, мамка с нечистой силой зналась, – кивнул парень.

– Великую силу ведала, – печально вздохнул старец. Хотя и бесовская сила та, но очень уж действенная. – Только всё зависит от того, с какой целью её применять. Постарайся Силу с пользой для рода использовать. Воюй честно за веру, царя и отечество. А потеряешь точку опоры в суетном мире – возвращайся к родным истокам. Пока жив, я тебя дома ждать буду, а помирать надумаю, так сынам и внукам за тебя молиться велю. Не забывай казачий род, хоть и не баловали тебя дома, но в тайне жалели, а значит – любили.

– Да и у меня нет никого ближе в целом свете, – обнял седобородого старика не по годам повзрослевший паренёк.

Алексей надел на шею заговорённый крестик, спрятал под рубаху, вскочил в седло и, махнув родным на прощание, поскакал догонять казачий отряд. От расставания с привычным миром на душе было горько, но огромный неведомый мир манил вдаль. Мальчишка жаждал приключений, подвигов и славы. Ведь столько лет крёстный отец готовил к настоящей войне. И вот время пришло. Теперь весь мир узнает великую Силу сына ведьмы! Трепещите враги веры, царя и отечества!

Глава 2

Чудной казачок

Мир оказался удивителен и огромен. За всю жизнь Алексей лишь несколько раз выбирался в большой город, когда дядька Матвей брал с собой на ярмарку в Ростов. И паровозы видел только издали, а теперь железный монстр нёс его сквозь бескрайние просторы Русской империи. В составе казачьего эскадрона парень направлялся на Западный фронт, к границе с Австрийской империей. Алексей бы предпочёл сразиться сразу с гвардейскими немецкими дивизиями, но и союзников кайзера тоже кто-то должен бить. Самый молодой казачок в кавалерийской сотне мечтал показать Силу в настоящем бою, но пока приходилось отрабатывать жалование конопаса. На каждой станции, где останавливался для заправки паровоза водой и углём воинский эшелон, Алексей должен был успеть обежать вагоны с лошадьми, натаскать свежей воды в поилки, насыпать овса, навоз с пола выгрести. Работал, конечно, не один, с казаками из наряда, только те регулярно сменялись. Однако парень не роптал,

использовал время для силовой тренировки. Очень был доволен расторопным казачком есаул. Его старинный друг, Никифор Плетнёв, советовал паренька в разведчики определить, но, покуда до фронта не добрались, обязанности конопаса он тоже отлично выполнял. Лошади слушались молодого бойца, даже самые строптивые к себе подпускали.

А вот с взрослыми казаками у Алексея понимания не было. Мужики судачили о незнакомой для мальчишки жизни, о разных бытовых мелочах или бабах и самогоне. Усатые казаки посмеивались над тихим скромным юнцом. Однако злых шуток себе не позволяли. Может, сказывалось настороженное отношение к парню двух десятков станичников, которые знали истинную силу воспитанника дядьки Матвея. Ведь каждый тайно любопытствовал, когда мальчишка на своём полигоне истуканов расстреливал. Да и в конном переходе до Ростова всех казаков поразила идеальная выездка Алексея. Он слился с конём, будто в кентавра превратился. А когда в наряде с ним работали, удивляла выносливость жилистого юноши – пахал без перекуров, да всё норовил бегом сделать и под тяжестями даже спину не гнул. Ещё поражала незлобивая смиренность, чувствовалось поповское воспитание – ни злого слова, ни обиженного взгляда в ответ на шутки в его адрес. Никакого интереса не возникало странного исусика задевать.

В пути Алексей садился на край пола теплушки, свесив ноги и устремив любопытный взгляд вглубь проплывающего мимо бескрайнего мира. А на долгих остановках, когда уже обиходил подопечных лошадей, шёл к паровозу и гладил железное чудовище, словно живое существо. Сила позволяла ему видеть чрево железнобокого монстра во всех деталях. Пару раз он даже напросился уголь в топку покидать, чтобы понаблюдать за движением деталей паровоза на ходу. Очень понравилось Алексею разгадывать принципы механических существ.

Однажды есаул посетовал, что часы уронил, и теперь надо в ремонт сдавать – остановились. Алексей попросил дать посмотреть. Долго держал в ладонях, восхищался тонкой искусной работой мастера. Есаул подумал, что малец внешним видом восторгается, крышка была с узором, да и циферблат с серебряными циферками. А когда отобрал игрушку, удивлённо охнул – часы тикали.

– Ты же даже корпус не вскрывал. Как починить смог?

– Там всего-то, спиральный волосок запутался, – пожал плечами мастер. – Встряхнул тихонько – часики и пошли.

– А время по чему выставил?

– Так по солнцу же, – беспечно глянул ввысь мальчишка.

– Вроде, похоже, – согласился с выставленным временем есаул, – на станции у смотрителя сверюсь точнее.

Удивился он позднее, когда сравнил ход часов с тремя другими, что нашёл у людей на станции. У двоих время совпало до минуты, третий сам чуть грешил на ход своих, но тоже близко получилось. Умел малец удивить!

Эту историю есаул рассказал пехотному поручику. Тот, естественно, не поверил, но испытать было не на чем.

– У меня в роте только пулемёт поломанный есть. Может, твой чудо-механик машинку тоже вслепую починит? – пошутил пехотный офицер.

– А может и починит, Ведьмин Сын, – загорелся азартом есаул. – Тогда, поручик, с тебя бутыль самогона моим казакам.

– А как не получится?

– Так ты ничего и не потеряешь, – заржал казак, – бутыль у тебя останется.

– Ладно, разгоним скуку, – махнул рукой офицер. – Зови своего вундеркинда.

– Ты, пехота, со словами осторожнее, – не понял последнего выражения есаул. – Казак у меня смирный, но шею обидчику враз свернуть может.

– Не страшно, я ведь увлекаюсь французской борьбой, – рассмеялся коренастый широкоплечий офицер. – На спор любого казака из твоей сотни заломаю. Не видел я среди молодняка достойных противников. В драку, конечно, с опытным казаком не полезу, но в честной борьбе, на силушку, одолею.

– Эх, а вот зря ты казаков за живое задеваешь! – с укором покачал головой есаул. – Разозлится Ведьмин Сын, так тебя в бараний рог скрутит. Земляки с его станицы рассказывали, что он быка-трёхлетка взял за рога и наземь опрокинул.

– И чем животное помешало? – недоверчиво рассмеялся крепыш. С быком он сам бы тягаться не решился.

– Бык разъярился и за девчонкой по улице погнался. А она перепугалась, дура, бежит прямо по дороге, и платком ещё машет. Тут через забор сигает Ведьмин Сын и наперерез, хвать быка за рога и на бок перевернул. Держал, пока мужики не подбежали и не стреножили верёвкой. Вот такой здоровяк у меня в эскадроне служит.

– Ну, если твой бугай и пулемёты чинит, – ещё пуще развеселился поручик, – то я лично ему пять пачек папирос дам.

– Не курит юнец, – отмахнулся есаул, – чего другого предложи.

– Веди кудесника, на месте сторгуемся, – поручик указал рукой на дальний край станции. – Там в тупичке насыпь высокая, работу пулемёта проверить можно.

Есаул поспешил к паровозу, где обычно Алексей тёрся, рассказал тому о проблеме. Чутьё было у казака, что парень не подведёт, уж больно силён в воинском деле. Видел есаул, как он свой карабин и револьвер чистил, разбирал и собирал машинально, не глядя, да так быстро, словно пуговицы на гимнастёрке застёгивал. Однако когда вдвоём пришли на место, душу заскребло коготками сомнение.

Алексей явно впервые видел станковый пулемёт.

– Чудная машина, – присев на корточки, нежно погладил железный корпус Алексей. – Дядь, расскажи, как стреляет.

– Вот так мастера привёл! – победно рассмеялся поручик, но снизошёл до сухих цифр. – Это пулемёт «Максим». Вес в боевом положении 66 кило, патрон винтовочный, калибра 7,62, прицельная дальность до 3000 метров, темп стрельбы 600 выстрелов в минуту, ёмкость пулемётной ленты 250 патронов. Но,

похоже, сегодня нам пострелять с него не придётся.

– Ух, и быстро строчит! – по-детски непосредственно восхитился безусый паренёк. – Эдак можно целый эскадрон за одну минуту начисто скосить.

– Смотря как стрелять умеешь, – усмехнулся наивности казачка поручик.

– Меня дядька Матвей хорошо учил, – Алексей любовно погладил боевой механизм. – Дядька пехотный командир, дозволь из твоего «Максимки» стрельнуть.

– Почини, так и дозволю, – решил поиздеваться над простаком офицер.

Алексей подвоха не понял, медленно ощупал пальцами пулемёт со всех сторон и удивился:

– Так годная же машинка, вся механика на месте, ничего не сломано.

– Ну, попробуй выпустить длинную очередь в глиняную насыпь, – с превосходством глядя на парня, проворчал поручик.

– Так ты, дядька, сперва покаж с какой стороны ленту вставлять, как прицеливаться. Да мишени надо расставить, что же патроны зря переводить.

Уверенность наивного мастера подкупала. Поручик вставил ленту, показал, как винтом выставлять ствол по вертикали. С прицельной планкой казачок сам разобрался.

– Жги патроны, не скупись! – подначивал его офицер.

Есаул не вмешивался, сидел в сторонке, нервно курил самокрутку.

Алексей большими пальцами нажал на гашетку. Пулемёт огласил округу громкой очередью. Пули нырнули в глиняный склон, оставляя пыльные фонтанчики. Но вдруг грохот внезапно стих. Пулемёт заклинило.

– От и вся музыка, – довольно хлопнул в ладошки поручик.

Алексей нахмурил брови, пошаманил ладонями над корпусом пулемёта.

– По-ня-тненько, надо разбирать, – вынес вердикт молодой мастер, задумчиво почесав затылок.

– Десять раз разбирали, а причины найти никто не может, – удручённо махнул рукой офицер.

– Ты, дядька, пока нутро агрегата вытряхни на брезент, а я к машинисту сбегаю, инструмент нужный попрошу.

Деловой казачок опрометью бросился в конец состава, к паровозу. А поручик так и застыл в нерешительности.

– Эй, есаул, как думаешь, он вернётся? – через несколько секунд задумчиво обернулся он к казаку.

– Разбирай, не сомневайся, – хохотнул есаул. Уверенность юного мастера вселяла оптимизм.

Вскоре примчался Алексей с промасленной сумкой. Достал напильник, молоток.

– Щипцов у железнодорожника не нашлось. Но разводной ключ тоже неплохо детальку зажмёт.

– Ты сперва объясни, что удумал? – разобрав пулемёт, насторожился поручик.

– Так вот же деталька недоделанная. Видишь, след от трения, а на соседней – потёртость блестит. Когда длинную очередь даёшь, металл разогревается и механизм клинит. На заводе, видно, чуть недоработали детальку. Я её сейчас напильничком обточу, молоточком обстучу – дефект и выправится.

– Лады, хуже уже не будет, – рискнул довериться мастеру офицер. Потёртости на металле действительно выделялись. Может, и впрямь всё из-за этого?

Казачок обработал поверхность детали. Все движения точно выверены – мастер! Потом уже сам, без подсказок, собрал пулемёт, да так споро, будто отличник пулемётных курсов.

– Дядька, дай теперь по мишенькам пострелять, – азартно заблестели глаза у пацана.

– Где же я тебе мишеней-то найду, – развёл руками поручик.

– Да вон, хоть щебёнку в линии разбросаю, – кинулся с куском брезента к насыпи казачок.

Алексей набрал в куль горку щебня и выложил на склоне насыпи три линии целей. Затем залёг за пулемёт, выставил вертикальным винтом ствол, подправил планку прицела и открыл огонь. Веер пуль прошёлся справа налево по первой линии камешков.

Поручик и есаул, открыв рты, смотрели, как пули высекают алые искры из гравия. Казалось, каждая пуля попадала в очередной камешек. После первой очереди все цели разметало по склону. А стрелок уже поднял винтом ствол и принялся крошить вторую линию. Пули били по камням и свистели в воздухе, отброшенные рикошетом.

Пехотинец и казак упали на землю. Поручик по-пластунски пополз к сумасшедшему пулемётчику. Но тот уже высекал искры из камней третьей линии, разбрасывая мишени по сторонам. Офицер ухватил стрелка за ногу и потащил от пулемёта.

– Прекратить огонь! – истошно завопил он.

– Уж и так все мишеньки закончились, – не понял, что за суета, Алексей.

– Ну, Ведьмин Сын, чуть нас не угробил, – поднимаясь с земли, отряхивал форму есаул.

– С меня бутыль самогона, и идите отсюда! – перевёл дух поручик.

– Э-э, ты ещё мальцу магарыч обещал, – напомнил казак.

– Если он не курит и не пьёт, что же дать? – озадаченно развёл руками поручик.

– Пацан читать любит, – есаул вспомнил, как жадно Алексей перечитывал старые газеты, что казаки на самокрутки пускали.

– Ну не устав же караульной службы ему давать, – пожал плечами офицер и вдруг хлопнул себя по лбу. – А ведь есть у меня в бауле занимательная книжка. Как раз для твоего юного атлета. Он, гляжу, фигурой не богатырь, а силушкой, ты говорил, бог не обидел. Книжку ту один известный борец написал. Там подробно об изометрических упражнениях изложено.

– Каких? – не понял ценности подарка есаул, думал – офицерик просто отмазаться решил.

– Статическим напряжением мышц, – обратился к юноше любитель французской борьбы, – можно тренировать силу без движения, в замкнутом пространстве. На фронте ведь вволю не порезвишься. Постигнув же сие искусство и в совершенстве овладев телом, атлет может движением плеча цепи рвать, стальные пруты в бараний рог гнуть.

– Дядька, дай книжку почитать! – схватил благодетеля за руки жадный до такой науки мальчишка.

Поручик довольно усмехнулся, оценив железную хватку. Ох, по адресу подарок придёт – воистину борцовский захват у парня.

– Вот бы мне такого меткого пулемётчика в роту, – размечтался офицер.

– Из него и конопас неплохой, да и разведчик тоже, – возгордился лихим казачком есаул.

В результате, казак выиграл спор и ушёл с вожделенной бутылью самогона, а Алексею досталась в подарок очень интересная книжица. Пока добирались до фронта, он несколько раз перечитал наставления известного борца, как развивать силу мышц без отягощения грузом. Оказывается, можно волевым

усилием тренировать мышцы или напрягать их статическими упражнениями без движения тела. Такая методика очень подходила парню – он часами сидел неподвижно, напрягая и расслабляя разные группы мышц. Или замирал, стоя в углу вагона, и «двигал» руками стену. Но работал сын ведьмы лишь с мускулатурой. При неосторожной попытке подключить внутреннюю Силу, доски вагона жалобно скрипели.

Изучив методику владения волевым усилием, Алексей начал использовать её и применительно к потокам внутренней Силы. Только для подобных упражнений он уединялся за эшелоном, в период частых остановок в пути. И обязательно на гладкой твёрдой площадке. Иначе камешки начинали выписывать причудливые спирали вокруг тела физкультурника. Толстый слой пыли он тоже, перед началом зарядки, осторожно «сдувал» со спортивного пятачка. Последующие маленькие пылевые вихри можно было списать на внезапный порыв ветра. Но всё равно, с Силой Алексей баловал исключительно во время ночных стоянок.

Казаки и так бросали косые взгляды, перешёптывались, но с досужими расспросами к Ведьмину Сыну не приставали. Особенно когда наслушались удивительных баек от казаков с его станицы. Впечатляли рассказы про то, как он, ещё пацанёнком, ночью ходил с одним ножом на волков, как однажды броском топора коршуна над курятником сбил. Даже то, что ладошками играючи отбивал град брошенных мальчишками камешков, – удивляло.

Ещё землячки брехали, что и лет-то пареньку не больше четырнадцати. И крёстного сына на войну станичный поп спровадил вместо пяти родных внуков призывного возраста. Завидовали казачки, что те сейчас дома в куренях сидят подле жёнок, а не трясутся, как они, в тесных теплушках. Конечно, в царской Руси «откосить» от фронта за солидную взятку легко, но ведь этот призыв набирал сам Никифор Плетнёв. Известный полковой атаман мзду не брал. Чем же таким мог честного атамана подкупить простой станичный поп? Не иначе, ведьминими заговорами владел. Говорят, мать Алексея ему сводной сестрицей приходилась. А отца пацана сама ведьма и сгубила. С полюбовницей застала, да и сожгла… взглядом! Казак изнутри выгорел до черноты угольной, хотя одёжка на нём осталась целёхонькой.

О тёмных делах судачили земляки, наверняка многое привирали, но дыма без огня не бывает. А от Ведьмина Сына не дымком веяло – серой дьявольской!

Глава 3

Неудачная разведка

К линии фронта прибыли только в середине августа. Эскадрон разгрузился на ближайшей станции к линии фронта и за дневной переход добрался до своего полка. Казаков послали усилить пехотную часть, что готовилась к наступлению.

Полк располагался на окраине маленького селения. В пяти километрах от русских позиций окопались австрийские войска. Враг отступил заранее и хорошо закрепился на высотах – окопы полного профиля, пулемётные точки в блиндажах.

Командование полка только и дожидалось подкрепления, чтобы атаковать австрийцев. Кавалерийский эскадрон подошёл к вечеру. Завтра к полудню должна ещё подтянуться от станции последняя пехотная рота. На следующее утро можно и в атаку идти. Главный штаб торопил с наступлением.

Казачий эскадрон, спешившись, расположился на другой окраине села. Вдоль дороги невысокий плетень из ивовых прутьев отгораживал огороды. Коней привязали к колышкам плетня, а казаки длинной шеренгой выстроились на противоположной обочине. Из штаба пришёл офицер с полковым писарем, проверить личный состав. За ними увязался священник, вечернюю молитву прочитать, дух боевой подкрепить необстрелянным бойцам.

Алексею сразу не понравился плюгавенький офицерик. На подходе к строю казаков он прицепился к пробегающему мимо солдатику, который недостаточно чётко отдал воинскую честь, и отхлестал того сложенными перчатками по лицу. Пехотинец лишь вытянулся перед старшим по званию по стойке смирно и безропотно вынес трёпку. По-видимому, штабной офицер хотел показать прибывшим казакам свою значимость. Щупленький дворянчик чувствовал себя неуютно рядом с рослыми усатыми казаками.

Картина беспричинного избиения рядового бойца вызвала у Алексея омерзение. Наёмный конопас стоял в самом конце строя и сильно отличался от приписных казаков. Все носили фуражки с красным околышем, белые рубахи и синие штаны с широкими малиновыми лампасами. А у Алексея на голове чёрная папаха,

рубаха его тоже чёрная, и штаны без лампасов. За спиной стандартный кавалерийский карабин, слева на боку казачья шашка, но вот справа, не по чину, кобура с офицерским револьвером, а за спиной на поясном ремне, совсем уж не по уставу, скрещённые чехлы с двумя ножами. Ещё один, с короткой плоской рукоятью, прятался за голенищем сапога, но его сразу и не заметить. Странно выглядели и зачернённые металлические детали формы: ременная пряжка и пуговицы.

Двигаясь вдоль строя за важным штабным офицером и казачьим есаулом, толстенький писарь находил в списке фамилии бойцов и помечал карандашом. Когда дошли до конца шеренги, заскучавший офицерик оживился. Наконец попался объект для издевательств. К вольным казачкам цепляться по мелочам было боязно, а тут бесправный басурманин попался.

– Конопас, Алексей Ермолаев, – представился, как положено, боец.

– Вольнонаёмный, – нашёл имя в конце списка писарь и поставил напротив жирную галочку.

– Басурманин, почему форма мятая, сапоги не чищены?! – возмущённо завизжал строгий офицер.

Остальные казаки давно к строю приучены, много раз в смотрах участвовали. Поэтому складки на форменных рубахах разглаживали, лишние сзади под ремень прятали. Сапоги от пыли очистили и ваксой натёрли. Алексей же лишь пыль стряхнул, к вонючей ваксе даже не притронулся. Рубаху плотно не натягивал, зачем движения сковывать? Да и стоял он не по стойке смирно, картинно не напрягался.

– Чо шумишь зря, дядька? Напускная красота на войне ни к чему, – ошарашил штабную крысу чернявый басурманин, последней фразой процитировав старого наставника.

Мелкопоместный дворянчик чуть не задохнулся от гнева: на стянутой тугим воротником кителя худосочной шейке вздулись вены, бледное надменное лицо побагровело, глаза вылезли из орбит, как у рака варёного.

– Я штабс-капитан Хаусхофер! Изволь, солдатское быдло, обращаться к старшему офицерскому чину по уставу!

Дворянин замахнулся отхлестать хама сложенными перчатками по щекам, но в страхе замер. Зрачки басурманина, как два чёрных револьверных дула уставились в холёную усатую морду офицерика. Волной смертельного могильного холода повеяло от застывшего истуканом странного казачка.

Есаул подшагнул ближе и громким шёпотом подсказал неопытному казачку уставное обращение:

– Ваше благородие…

– Я, вашбродь, не на парад прибыл, – Алексей вспомнил, как на станции солдаты сокращали обращение к своим командирам. – Ты меня, вашбродь, в разведку пошли, там и поглядишь, каков из меня боец.

Есаул горестно закатил глаза и, шумно выдохнув, строевым шагом встал между взбешённым офицером и рядовым, загородив глупого пацана спиной:

– Ваше благородие, господин штабс-капитан, вы молодого казачка строго не журите, он ещё к воинской субординации не приучен. Но веры православной, а за царя и отечество не пожалеет живота своего. Он у нас конопасом только по списку числится, а так – лучший пластун.

– Лучший пластун, говоришь, – с трудом совладав с внезапно накатившей волной страха, штабс-капитан задумал пакость. – Тогда добавь басурманину опытного напарника и отправь, как стемнеет, в разведку. По фронту у нас справа холм с дотами, слева лес заболоченный. Между ними узкая степная полоса. Пусть пара пластунов конно подскачет ближе, лошадей оставит в кустарнике, а дальше уж километр на пузе по чистому полю проползёт, разведает подходы к окопам. Нет ли проволочных заграждений и рвов? Сколько пехоты в окопах? Через день, вашему эскадрону там оборону австрияков прорывать.

– Степана Фролова с мальчишкой пошлю, – доложил есаул. – Опытный казак, в Японскую заслужил солдатского Георгия. Всё высмотрят, ваше благородие, и к утру доложат.

– Не оплошай, басурманин, – искоса зыркнув глазками, злорадно усмехнулся штабс-капитан. Он знал, что накануне в той злосчастной полосе напоролось на засаду отделение разведчиков из пехоты, только один раненый уполз через болото, остальные все там полегли. Но этими сведениями офицерик с казачками делиться не собирался. Пусть покажут удаль молодецкую, пластуны хвалёные.

А когда чуть отошёл от строя казаков, обернулся к семенящему по пятам писарю.

– Семён, проведи по ведомости этому басурманину денежную выплату за месяц, авансом. Но без моего приказа деньги не выдавай, попридержи пару деньков.

– Так точно, ваше благородие, всё исполню, – понимающе кивнул канцелярский прохиндей. Деньги покойничку на том свете не пригодятся, а казне всё одно, когда жалование платить.

После обхода строя штабным офицером, дошла очередь до полкового священника. Дородный бородатый поп встал напротив шеренги казаков, достал из походной сумы псалтырь в потёртом кожаном переплёте и зычным голосом начал читать молитву.

Молебен проходил обыденно, казаки, сняв фуражки, дружно крестились, многие шептали слова знакомой молитвы. Поп только обратил внимание на черноволосого басурманина в самом конце шеренги. Показалось, что от звуков православной молитвы чёрного басурманина коробит, даже дрожь по телу идёт.

Алексей не любил посещать церковь, ментальные вибрации рвали душу ведьминому сыну. Он с трудом унял дрожь пальцев, расстегнул ворот рубахи, достал серебряный крестик, что подарил ему крёстный отец. И стоило Алексею приложиться губами к заговорённому талисману – будто студёной водицы из родника испил! Моментально исчезло разрушительное воздействие чужого влияния, и мощные ритмические волны от монотонных распевов стали накачивать божественной Силой внутренние резервы организма. Алексей еле сдержался, чтобы не оторваться от земли и не воспарить над строем. Вот где неожиданно пригодились упражнения волевых усилий, только не физического тела, а ментального. Алексей с трудом направил излишки Силы в землю.

Никогда ещё простая молитва не облегчала казакам душу так, как в этот вечер. Необыкновенную лёгкость в теле почувствовали все молящиеся, будто божественная благодать коснулась каждого. Поп увидел, как после целования нагрудного крестика просветлел лик чернявого басурманина, каменная маска растворилась в по-детски счастливой улыбке. И душа священника тоже возрадовалась, с плеч словно пуд груза сняли. Свежий вечерний воздух пьянил, голос зазвучал особо громко и торжественно. Приятно было сознавать, что ошибся в оценке молодого казачка. Православным паренёк оказался, истинно верующим, а мандраж был из-за страха перед первым боем. Видно, сильно переживал необстрелянный боец. Как слышал поп, мальцу этой ночью в разведку идти.

– Ох, и славно ты, Онуфрий, молебен поёшь, – с чувством похлопал полкового попа по плечу есаул по окончании священного действа. – Аж телом к небесам воспарить восхотелось. А как ты, батюшка, относишься к тому, чтобы закрепить воздействие молитвы? У меня трёхлитровый сосуд «святой воды» припасён, и скоромная пища на закусь найдётся.

– Отчего же и не закрепить, – огладил бороду боевой поп. – Мы не на посту. А молебен сегодня действительно удался на славу.

Из полкового обоза на ужин подвезли горячую кашу. Как стемнело, по приказу офицера есаул отправил пластунов в разведку. Бывалый казак Степан Фролов пошёл за старшего.

– Дядька Степан, может, пеши двинем? – предложил оставить коней Алексей.

– Не-е, четыре версты пешака топать далековато, – лениво отмахнулся казак. Он был уже в летах и видел свой резон. – Может, от погони быстро отрываться придётся. А мы прыг в седло – и быстрее ветра! К позиции тихо впотьмах прокрадёмся, а там и луна взойдёт. Обратно уходить будем при лунном свете.

– Сегодня полнолуние, – поднял к звёздному небу взор Алексей.

Он бы предпочёл отправиться в стан врага в одиночку. При свидетеле по-настоящему тайную внутреннюю Силу не проявишь, только бесшумной походкой, зорким взглядом, да острым слухом можно похвастать. Ну как, при таких ограничениях, воинскую доблесть показать?! А пацану сразу же в первый

боевой выход хотелось заслужить медальку солдатской славы, такую же, что железным крестом красовалась на груди казака.

– Дядька Степан, а ты в Японии тоже в разведку конно ходил?

– В Японии не довелось, – важно покрутил пальцами ус бывалый казак, – а в Маньчжурских степях хаживал. Там просторы бескрайние, без коня пропадёшь. Казак без коня, что пехотинец без сапог – воевать тоже можно, но только на пузе ползая. Кстати, видел я, как ты лихо скакать умеешь, а по-пластунски обучен? Нам шуметь никак нельзя.

– Крёстный отец всем премудростям обучил, – скромно кивнул пацан.

– Сегодня получишь настоящее боевое крещение, – хохотнул казак. – Делай, как я – не пропадёшь.

Опытный разведчик остановился, слез с седла, достал из притороченного мешка ворсистые тряпки с верёвочными завязками.

– Я тут и для напарника цыганскую хитрость припас, – протянул он часть Алексею. – Давай, копыта обматывай, чтоб подковы не цокали. Нам в ночи тише конокрадов красться надо.

Обвязав копыта коня, казак снял с себя всё оружие, а поверх белой рубахи надел короткий синий китель. В темноте тот казался чёрным. Ножны с шашкой привязал к луке седла.

– Пластуну ножом сподручнее, – объяснил молодому старослужащий. Короткий кавалерийский карабин, сильно ослабив ремень, закинул за спину, но стволом вниз. – Так изготовиться стрелять ловчей.

Казак показал, как быстро передвинуть карабин со спины к плечу.

– Я и с одним наганом могу, – оставил вместе с шашкой висеть на луке седла карабин Алексей.

– Револьвер не по уставу, – позавидовал вольному стрелку приписной казак. – Случись, какая стычка, сперва нож в ход пускай. Метко кидаешь?

– Не промахиваюсь, – хвастливо вскинул подбородок юноша.

– Слыхивал о тебе многое, – проворчал казак, испытующе глядя на парня. – Даст бог, воочию повидать не придётся. Сегодня наше дело – быть ниже травы, тише воды.

Выехали в чисто поле, серыми тенями осторожно двинулись сквозь непроглядную темень. Лишь когда достигли разрозненных островков кустарника, на краю небосвода показался жёлтый диск луны. Тишина вокруг стояла мёртвая. Пару раз в стороне ухала сова, охотясь на мышей.

– Тихо-то как, – настороженно вертел головой вокруг Алексей. Когда он в донской степи выходил в ночные рейды, было значительно шумнее. Видно, распугали зверьё люди.

– Оставим коней тут, – слез с седла казак, – дальше ужами поползём. До позиций врага ещё добрая верста.

– Да нет, дядька Степан, всего лишь пару сотен шагов до ближайших окопов, – прощупав пространство потоком Силы, уверенно известил Ведьмин Сын.

Степан выглянул из-за кустов, в слабом лунном свете осмотрел открытое пространство. Ровное тёмное поле простиралось до далёких отсветов костров, что жгли в окопах.

– Вроде нет никого близко, – напряжённо всматривался в ночь казак.

– Впереди два десятка тел копошатся, не спят, перешёптываются, – не сходя с коня, застыв в седле истуканом, тихо уточнил видение Алексей.

– Да не почудилось ли тебе? – напрягая слух, не поверил напарнику разведчик.

– Ещё со стороны холма конные тихо крадутся, – не оборачиваясь, огорчил паренёк. – Три десятка. Поперёк нашего пути направляются.

– Отсекают? – тихо охнул Степан. Верить не хотелось, но уж больно уверенно Ведьмин Сын дислокацию излагает. Не станет же просто так врать?

– Слева от нас, в пяти шагах, пехотная винтовка в кустах лежит, и земля густо кровью пропитана, – протянул ладонь с растопыренными пальцами Ведьмин Сын. – Свежая кровь, вчера в ночь пролита.

– Волк ты, что ли – вчерашнюю кровь учуять? – не поверил казак сразу, но, осторожно раздвигая ветви, сделал в указанном направлении пять шагов.

Под ногу попало присыпанное листвой ложе винтовки. Присев, казак и сам ощутил слабые запахи ружейной смазки и запёкшейся крови на потревоженной листве. Надломленные ветки кустов опустились до земли. Если паренёк в последнем прав оказался, то, значит, и остальных врагов звериным чутьём верно обнаружил.

– Тикаем, паря! – уже не скрываясь, ломанулся назад через кусты Степан и с разбегу вскочил в седло. – Засада!

Прикрыв свой отход густым кустарником, казак погнал коня в степь. Позади полыхнули вспышки выстрелов, воздух сотрясла ружейная стрельба. Но палили вслепую, пули свистели высоко над головами беглецов.

Однако дьявольский смысл в поднятом шуме стал понятен чуть позже.

– Всадники вытянулись цепью и ускорили бег коней! – крикнул товарищу всевидящий Алексей. – Успеют перерезать дорогу назад. Без боя не прорвёмся.

– Уходим вправо! Проскочим по кромке леса!

В одиночку Алексей легко ускользнул бы от погони, но у старого казака конь был не из лучших. А вот австрияки летели как ветер – отборные всадники.

– Венгерские уланы! – в отблесках лунного света распознал фигуры преследователей намётанный глаз казака. – От этих степью не уйдём! Давай, к лесу заворачивай!

Однако загонщики знали своё дело. Как только беглецы нырнули под кроны деревьев, ноги их скакунов увязли в густой глубокой грязи – лес оказался до самого края затоплен водой. Кони еле передвигались между стволами лесных исполинов, увязая до середины ног в чёрной жиже.

– Всё, влипли, паря! Бросаем коней, пеши уходим!

– Я своего Сивку врагу не дам! – взъярился молодой боец. – Дядя Стёпа, отходи вглубь болота, я прикрою!

– Эх, дурень! – Степану некогда было переубеждать упрямого мальчишку, а бросать глупыша одного воинская честь не позволяла. Как потом казакам в глаза смотреть будет? – Уланы в нас не стреляют – живьём хотят взять! Шашкой бейся – дольше продержишься!

– На войне нет правил! – со странным задором выкрикнул Ведьмин Сын и, ухватившись за свисавшую ветку, легко вспорхнул на дерево.

Стоило парню исчезнуть в густой кроне лесного исполина, как среди стволов замелькали со всех сторон тёмные силуэты всадников. С противным чавканьем, натужно раздвигая копытами липкую жижу, чёрные фигуры стягивали кольцо окружения.

– Русс, сдавайся! – прозвучало последнее предупреждение.

– Казаки не сдаются! – выхватил шашку Степан и первым устремился на ближайших врагов.

Кони тяжело сблизились, зазвенели клинки. Казак схватился сразу с двумя уланами.

Внезапно прямо над головой грохнули револьверные выстрелы. Семь тёмных фигур уланов безжизненными куклами выпали из седла. Противники казака тоже оказались в их числе.

На всполохи от выстрелов из нагана, по густой кроне дерева, уланы ударили из всех стволов. В воздухе закружились срезанные пулями веточки, щепки коры,

ошмётки листьев. Лес наполнился грохотом, вспышки алого пламени высветили десятки искажённых злобой физиономий.

Степан вскинул шашку и направил коня на очередного врага. Однако быстрого сближения не получилось, конь еле перебирал копытами по чавкающей грязи. Да и венгры больше не горели желанием брать строптивых казаков в плен. Улан торопливо вскинул карабин и выстрелил.

Пуля ударила Степана в грудь, опрокинув назад. Тело казака медленно сползло с седла в левую сторону, но запутавшаяся в стремени правая нога не дала упасть. Степан свесился головой вниз, фуражка свалилась в мутную жижу, казачий чуб макнулся в воду. Степан из последних сил попытался ухватиться рукой за край седла. Захлебнуться смрадной болотной грязью не хотелось. Уж лучше смерть от пули, чем попасть в утопленники.

Глядя из-под брюха коня на перевёрнутый мир, Степан с удивлением увидел, как рядом шмякается в грязь тело улана. Причём как-то странно – порубленным на куски!

В мёртвой тишине по-особенному звонко клацает затвор кавалерийского карабина.

Выстрел! Грохот разорвал тишину, вспышка подсветила воду в паре метров от Степана.

Следом быстрая череда клацанья затвора сменялась звенящим в ушах грохотом выстрелов. Словно бахали винтовочными патронами из огромного револьвера.

Степан краем глаза уловил падающие с коней тени. Четыре скорчившиеся фигуры вывалились из сёдел. Стремительная расплывчатая тень метнулась вверх, в крону деревьев.

Вразнобой загрохотали ружейно-пистолетные выстрелы. Рой пуль с чавканьем вгрызся в конское мясо. Животные с жалобным ржанием завалились на бок. Лошадь улана приняла почти весь шквал свинца, но и в бок казачьего коня впились острые зубы смерти.

Повезло ещё, что конь не придавил своей тушей Степана, упал на другой бок. Казак вскрикнул от боли в правой лодыжке и оказался лежащим спиной на дёргающемся в предсмертных судорогах крупе коня. Копыта взбивали воду, и холодные волны плескались в щёку раненого казака. Мир вздрагивал и дико визжал от боли. Весь лес наполнился жуткими звуками, очень похожими на крики животных, но так умеет орать только смертельно испуганный человек.

Выстрелы больше не звучали – уланы разрядили оружие, а на зарядку у них времени уже не было. Чёрная тень смертоносного монстра прыгала с одного крупа коня на другой, в клочья разрывая тела всадников сверкающими в лунном свете стальными клыками. Откушенные железными зубами головы и руки сыпались в тёмные воды болота, а ненасытная кровожадная тварь перескакивала на тело очередной жертвы. Чёрный зверь пролетал по воздуху размытой тенью, материализуясь за спиной нового мертвеца, ибо длинный сверкающий клинок уже торчал из его разваливающегося на части тела.

Последние уланы попытались удрать, но копыта лошадей вязли в липкой трясине, и чёрная тень смерти играючи настигала беглецов. Самый крайний сумел-таки втолкнуть дрожащими пальцами патрон в карабин, он даже успел вскинуть приклад к плечу. Но чёрный монстр неуловимо быстрым движением взмахнул тёмной дланью, и сверкнувший сталью длинный коготь, молнией пролетев десятки метров, пробил череп улана.

Чёрная фигура размазанным в воздухе росчерком метнулась к последней жертве. С хрустом выдернула сталь из черепа и призрачной тенью воспарила ввысь.

Через секунду неведомая сила нежно охватила бока Степана и приподняла над трупом коня. В лунном свете блеснул стальной клинок ножа, и ремень, удерживающий ногу в стремени, распался.

– Держись, дядя Степан, сейчас кровь остановлю и раны затворю, – над лицом казака склонился зачернённый лик демона. Тёплые капли свежей крови чёрными слезами скатились по его щекам и капнули на лоб казака. Глаза Степана встретились взглядом с двумя бездонными чёрными колодцами, со змеиным шипением сознание провалилось в бездну. – Ты спиш-ш-шь…

Очнулся Степан от резкого, остро колющего запаха. Старческое лицо с аккуратной бородкой чуть отстранилось. Седые волосы выбивались из-под белой шапочки с красным крестом.

Доктор в белом халате закрыл пробкой стеклянный пузырёк и отошёл в сторону.

– Господа, у вас одна минута на расспросы, раненый потерял много крови и очень слаб.

Над изголовьем кровати склонился казачий есаул.

– Фролов, ты меня чуешь?

– Живо-о-й? – сиплым шёпотом удивился выживший.

– Ты последний рейд помнишь? – участливо тронул разведчика за плечо есаул.

– Сму-у-утно… – поморщился от ожившего в памяти кошмара казак.

– Вы с Ермолаевым на австрияков напоролись, когда к их позициям крались, или уже на обратном пути?

– Сразу… в засаду… попали, – собравшись с силами, доложил Степан.

Из-за спинки кровати в поле зрения выдвинулась фигура штабс-капитана.

– Я же говорил, что врёт ваш басурманин, – не ходили пластуны по тылам. Стрельба ещё до полуночи началась.

– Но пришли-то они под утро, – нахмурился есаул.

– Отлёживались где-нибудь до рассвета, – беспечно отмахнулся штабс-капитан. – Вон и доктор сказал, что казак крови много потерял.

– Степан, так вы точно не успели ничего разведать? – допытывался настырный есаул. – Вспомни, от этого жизнь всего эскадрона зависит.

– Прости… не сумели, – повинился раненый казак.

– Наврал всё мальчишка! В герои захотел! – визжал, брызгая слюной, штабс-капитан.

– Герой… меня из ада вытащил… – попытался приподняться возмущённый несправедливыми нападками штабного офицера, казак.

– За то отдельное спасибо скажем, – успокаивающе положил руку на плечо раненого есаул и, уже чуть отойдя в сторону, сквозь сжатые зубы добавил: – А за брехню пацана бы выпороть хорошенько надо.

– Под трибунал отдать дезинформатора! – подскочил разбушевавшийся штабник. – Он мне тут всю полевую карту значками изгадил.

– Но ведь пушки на обратном склоне холма и пулемётные доты на вершине правильно обозначил? – не укладывалось в голове есаула.

– Да кто это подтвердит?! – не унимался штабс-капитан. – Про артиллерийские позиции и доты нам местные крестьяне рассказали. Их туда на работы сгоняли. Так они в картографии не сильны, горазды только на пальцах дули крутить. Ваш казачок мог от них наслушаться, а потом себе в заслуги записать. Намалевал наугад крестиков и кружочков.

– Но про пять пулемётных точек в окопах степной полосы никто не упоминал? – продолжал сомневаться есаул. – А нам завтра там фланг рвать.

– Так за вами ещё пехотный батальон на прорыв пойдёт. Вместе сдюжите, – пренебрежительно фыркнул штабной. – Вас же не на доты гонят. По холму наша артиллерия отработает, и полк в ложную атаку пойдёт.

– Задумка в штабе хорошая, – почесал затылок есаул. – С фланга ударить, оно, конечно, сподручнее. Но ежели на пять пулемётов эскадрон поведу, всех казаков положу.

– Да откуда у австрияков столько пулемётов? – ободряюще хлопнул есаула по плечу штабс-капитан. Ему очень не хотелось беспокоить господина полковника

непроверенными данными. Тем более что штаб и не ждал свежих сведений после провала вылазки пехотной разведки. За проявленную самодеятельность лично ему могли ещё и попенять. О неудаче казаков лучше умолчать. – Есаул, ты же сам слышал: не дошли они ночью до позиций австрияков. Значит, наврал молодой дуралей всё про пулемёты. Ну, сам посуди: ведь на засаду нарвались, еле ноги унесли. Когда необстрелянный пацан мог замаскированные позиции высмотреть? Да он раненым казаком только полночи занимался. Эй, доктор, расскажите есаулу свои подозрения.

– Господа офицеры, давайте выйдем из палаты, раненому покой нужен, – увлёк спорщиков за дверь лазарета пожилой доктор.

– Что-то не так с ранами? – выйдя из хаты во двор, пытался разобраться в запутанной ситуации есаул. – Чем нанесены? Как обработаны?

– Видите ли, господа, необычного здесь много, – задумчиво погладил острую бородку доктор. – Я полевой хирург, с богатым опытом лечения пулевых ран…

– Не в спину ли казаку стреляли? – забеспокоился есаул.

– По характеру входного и выходного отверстия, я теперь этого определить не могу, – развёл руками хирург. – Края ран сильно обожжены, я бы даже сказал, очень профессионально обработаны… огнём!

– Старые казаки так умели в поле раны затворять, – вспомнил дедовские байки есаул.

– Сказки слышал, но самому ранее подобное искусство видеть не доводилось, – согласно закивал доктор. – Однако, господа, у пациента насквозь пробито правое лёгкое, а крови в нём нет. Пациент мокроту не отхаркивает, будто всю лишнюю жидкость из лёгкого откачали и раны, как-то изнутри закрыли. При этом медицинскую помощь надо было оказать очень быстро, иначе от потери крови пациент бы скончался ещё по пути в госпиталь.

– Так Степана только под утро привезли? – поползли брови на лоб у есаула.

– Первую помощь пациент получил в поле, сразу после ранения, – скрестив на груди руки, уверенно доложил доктор. – При этом пока не видно никаких воспалительных процессов, словно операцию проводили в исключительно стерильных условиях. Я заметил, господа, что бинты с внутренней стороны были… чистые?! Такое впечатление, что рану сперва промыли дезинфицирующим раствором, прижгли огнём – по всему пулевому каналу! – а уж только потом забинтовали.

– Австриякам продались, шпионы! – взвился штабс-капитан.

– Когда бы успели? – охладил пыл дознавателя есаул, но в одном с господами согласился: – Да-а, тёмное дело.

– Судить полевым трибуналом! – размахивая перчатками, как топором, не унимался палач.

– Да зачем тогда было раненого казака в наш лазарет тащить? – задал резонный вопрос есаул.

– Чтобы сорвать атаку с фланга, – сразу нашёл логичный ответ штабник.

– Так Степан же сказал, что не видел пулемётов, – дал отлуп болвану казак.

– Он чудом выжил, – отмахнулся от аргумента упрямец. – А ваш басурманин нам ложную дислокацию войск чуть не впарил.

– Уж больно наивно врёт пацан, – скривился, словно от зубной боли, есаул.

Ясно ведь, что не мог он столько высмотреть один, да ещё с раненым товарищем на плечах. Хотя за казака ему отдельное спасибо – жизнь спас. Ну, и из засады сумел как-то вырваться – беспорядочную стрельбу всё ночью слышали, а у Алексея наган в нагаре и патронов поубавилось. Да и видок у него ужасный – вся одежда кровью пропитана. Правда, может, с Семёна натекла, пока к своим тащил? Нет, дело точно тёмное, но разбираться после боя будем. Под арест брехливого паренька брать не за что, но и доверия казачку больше нет. Пусть в обозе посидит, там конюхи тоже нужны.

Есаул не дал своего казачка штабс-капитану на расправу, сам наказать решил. Отозвал в сторонку и строго отчитал. От обиды у пацана на глаза навернулись слёзы, он предпринял последнюю попытку отговорить от самоубийственной атаки.

– Сгинем мы все под пулемётным огнём. Нельзя так глупо воевать.

– Ты, сосунок, ещё командование поучи воевать! – вскипел от гнева командир. – Признайся честно – медальку получить хотел за разведку?

– Что в том плохого? – пожал плечами безусый казачок.

– Брешешь уж дюже много! Не поверил никто твоему донесению! Степан признался, что не разведали вы ничего.

– Так ранили его, – стыдливо отвёл взгляд паренёк и нехотя признался: – Сам я всё высмотрел. А что сразу о том не сказал: так ведь мы в паре в разведку ходили – и заслуга, значит, общая.

– Ты, поросёнок, честного казака к своей брехне не примазывай! – возмутился есаул. – Что товарища не бросил, то правильно, а байки будешь в станице на завалинке девкам травить. Признай, что сам воочию пулемётов не видел! Австрияки не дураки – уж как-то стволы должны были замаскировать. Немецкого говора ты отродясь не слыхивал – «языка» допросить бы не сумел.

– Чую я… железо, – понурившись, шёпотом признался Ведьмин Сын. – Не надо нам завтра прямо на пулемёты идти.

– Нам?! – пропустив детский лепет мимо ушей, пренебрежительно скривился есаул. – А конопасы в атаку вместе с казаками не ходят. Твоё дело – коней обихаживать, вот и дуй в обоз, только сперва сдай своего Сивку в эскадрон – есаул давно сам на красавца заглядывался, – за боевого скакуна из казны деньги сполна уплачены.

Ох, не хотелось Алексею на убой пускать Сивку, попытался спасти верного друга. Подвёл к есаулу хромающего на переднюю ногу коня.

– Сивка в болотной грязи ногу об корягу сильно ушиб, – неумело соврал паренёк, – галопом теперь не поскачет.

– А ну, дай посмотреть, – сразу смекнул в чём дело опытный казак. – Да тут под подкову камешек попал… случайно.

Есаул не стал журить простоватого пацана, вся его хитрость, как на ладони видна. Понятно всё: коня отдавать в чужие руки не хотелось, медальку заслужить в первом бою мечтал, про кучу пулемётов с пушками наивно наврал – кое-что от крестьян услышал, остальное от себя дофантазировал. Но вид у казачка был такой горестный, жалко обижать мальчишку, ведь в бою-то себя геройски проявил. Есаул примирительно похлопал провинившегося по плечу:

– Ладно, Алёшка, отставить обоз – в бой пойдёшь, – он решил не позорить казака, вовремя вспомнив про меткую стрельбу того из пулемёта. – Только во второй линии, с пехотой, что за нами в прорыв устремится. У них в роте «Максим» есть, обскажу поручику о твоём таланте.

Горе Алексея было безмерно, слёзы мутной пеленой застилали пацану глаза. Он не знал, как ещё убедить командование в своей правоте, ведь на руках никаких доказательств. По правде говоря, те спрятанные в окопах пулемёты он даже не видел, а низко пролетев по тылам врага, железо колдовской Силой учуял. Сказать такое людям в открытую – проклянут. Следовало придумать другое, оригинальное решение, чтобы станичников от верной смерти спасти. Но больше всего, как ни стыдно было признаться в том, Алексей жалел доброго четвероногого друга Сивку.

Даже небо опечалилось вместе с казаком. На солнце навернулись тёмные тучки, по щекам Алексея прокатились, словно горькие слёзы, тяжёлые капли дождя.

Глава 4

Бой на болоте

Летний дождик омыл землю, тучи чуть рассеялись, из разрывов в серой пелене, озаряя мрачный мир, вырвались лучи света. Надежда заглянула в душу молодого казачка.

– Ваше благородие, казак Алексей Ермолаев прибыл в ваше распоряжение, – шагнув за порог дома, что определил себе под штаб командир первой пехотной роты, молодцевато доложил Алексей.

В просторной комнате с выбеленными извёсткой стенами, печью в углу и грубо сколоченным дощатым столом в центре, на табурете сидел молодой офицер.

– Ну, проходи к столу, чудо-пулемётчик, – дружелюбно улыбнулся поручик, больше похожий на переодетого в военную форму студента. – Меня зовут Николай Васильевич Ширков, на сутки поступаешь под мою команду. Содержать вольнонаёмных в пехотной роте не положено, пулемётчик у меня свой тоже неплохо стреляет. Хотя, в расчёте крепкий второй номер не помешает, будет, кому ствол на горбу таскать, да и в случае ранения – подменишь стрелка.

– Сколько в расчёте бойцов? – совершенно бесшумной походкой приблизился к командиру разведчик.

Поручик внимательней присмотрелся к «охотнику», как называли в строевых частях таких добровольцев. Казаков призывали с двадцати одного года, а «охотник» мог и в семнадцать на фронт попроситься. Вряд ли Ермолаеву больше, открытое безусое лицо светилось детской наивностью. Поручик и сам был самым младшим по возрасту среди офицеров пехотного батальона, но по сравнению с этим долговязым пацаном почувствовал себя настоящим отцом-командиром.

– До этого было пятеро: пулемёт переносить и коробки с патронными лентами, – поручик кивком указал Алексею на табурет рядом и развернул на столе полевую карту. – Но я от тебя ещё жду пользы в определении сектора стрельбы. Есаул сказал, что ты в прифронтовой полосе ползал, лучшую позицию для пулемёта выбрать сможешь. Укажи на карте.

– Тут лучшая, – разведчик неожиданно ткнул пальцем в самый край левого фланга.

– Ха-ха-ха, логично, – хлопнул ладошкой по столешнице поручик. – Если эдак пулемёт расположить, то окопы австрияков на всю длину простреливаются. Только вот незадача, не дадут они нам прямо на краю леса, у себя на фланге, пулемёт поставить.

– Так нет же никого в лесу, – не понял сложность казачок.

– Ну, по краю поля незаметно не прокрадёшься, а по болоту не пройдёшь, – отрубил ладонью часть карты офицер.

– Пройдёшь, – заупрямился паренёк. – Не болото то, а лес затопленный. Австрияки плотину разрушили, вода лес и покрыла.

– Предлагаешь удар по флангу с фланга? – удивлённо поднял брови поручик. – Но ведь тропку через затопленный лес даже местные старожилы не покажут.

– Грязи много, а кое-где и глубоковато, – нахмурился Ведьмин Сын, вспоминая гравитационный промер глубин, когда пролетал над лесом. – Но если заранее проторить тропу в обход гиблых мест, то пройти можно.

Алексей хотел сперва упросить офицера дать ему пулемёт, чтобы самому ударить сбоку по окопам, но ведь одному такого не доверят. Поэтому дерзко решил предложить другой приемлемый вариант:

– И на рассвете, при поддержке пулемёта, неожиданно ударим всей ротой!

– Успеем ли? – отмахнулся от авантюрной идеи поручик. – Дорогу ещё разведать надо, да и заплутаем в ночи по болоту.

– Дорогу я сам отмечу, не собьёмся, – загорелись глаза у разведчика.

– Так впотьмах и ты свои зарубки на деревьях не разглядишь, и солдаты по всему болоту разбредутся.

– Ваше благородие, книжечку на благое дело не пожертвуете? – Алексей нахально указал взглядом на лежащий в сторонке толстый роман в кожаном переплёте. – Я белые листы пеньковым шнуром к стволам деревьев привяжу –

вот и путеводная нить.

– Оригинально, – восторженно присвистнул офицер. – «Последний из могикан» проведёт отряд через лесные дебри.

– Кто? – не понял иронии Алексей.

– Ты приключенческие романы про индейцев читал?

– Не довелось, – смутился своей малограмотности казак. – В нашей станице про индейцев даже не слыхивали.

– Понятное дело, – весело рассмеялся книголюб, – индейцы далеко от станицы живут, на другом краю света, в Америке.

– Про Америку в газетах читал, – похвастал осведомлённостью казак.

– Южную или Северную? – не удержался от издёвки молодой поручик.

– Про ту, в которой индейцев нет, – нахмурившись, обиженно буркнул станичник.

– Не обижайся, казак, я тебе потом, после боя, другой роман про индейцев дам почитать, – добродушно подмигнул пареньку офицер.

– Не стоит, ваше благородие, – смутился от такой любезности рядовой.

– Тебе, юный разведчик, будет полезно, – фамильярно хлопнул бойца по плечу командир. – Индейцы, они как казаки – такие же лихие воины.

– Тогда, может, другую книжицу на листки раздёргать? – пожалел литературный шедевр будущий читатель.

– Соображаешь! – весело рассмеялся поручик и сунул «Последнего из могикан» в руку смущённого казачка. – Владей, а замену у полкового писаря Семёна найди. Проныра, за малую денежку что хочешь достанет.

– Разрешите выполнять, ваше благородие! – зажав дарёную книгу под мышкой, вскочил торопыга.

– Дуй в канцелярию, к Семёну за бумагой и мотком бечёвки, а я командиру батальона доложу о тактической задумке. Майор толковый, в Японскую кампанию повоевать успел.

Алексей кивнул и опрометью бросился выполнять приказ. Ветром домчался до нужной избы и… на самом пороге крыльца чуть не налетел на знакомого штабс-капитана. Небрежно отмахнулся, отдав воинскую честь, и вознамерился прошмыгнуть мимо. Но важного дворянина такое небрежение рядового не устроило, он решил поучить солдатское быдло правильным манерам. Стоя на ступеньке выше, офицер сильно пнул сапогом в живот дерзкому басурманину.

Казачок чудом уклонился, а офицер, не удержав равновесие, грохнулся со ступенек в чавкнувшую грязью лужу у крыльца.

Караульный у дверей штаба с усилием сжал челюсть, набрав в лёгкие воздуха и раздув щёки, отвернулся в другую сторону. Поэтому дальнейший цирк уже не видел.

Штабс-капитан, весь извозюканный в грязи, вскочил на ноги и рванул из кобуры наган. Паренёк в папахе обернулся, мгновенно очутился подле офицера и перехватил руку.

Хилый дворянчик попытался поднять оружие, но изнеженную ладонь, будто в столярные тиски зажали – не двинуть. Затем на запястье повесили четырёхпудовую гирю и предплечье опустилось – не поднять. Револьвер вывалился из онемевших пальцев в грязь.

– Не дури, вашбродь, – в глазах Ведьмина Сына полыхнуло пламя дьявольского костра, словно порыв ветра раздул алые искры.

Животный страх сдавил горло дворянина, даже караул на помощь не позвать.

Басурманин уже скрылся за дверью канцелярии, а штабс-капитан так и замер глиняным истуканом.

– Ой, никак оступились, ваше благородие, – посочувствовал обернувшийся караульный, но, согласно уставу, вверенный пост не покинул.

– Почему пропустил? – наконец сумел прошипеть штабс-капитан.

– Дык, может, «охотник» за положенным жалованием пришёл, – пожал плечами солдат. – Чего же добровольца тормозить.

– Он у меня жалование получит, – заскрежетал зубами штабс-капитан, но позориться перед канцелярской братией не захотел – видок у его мундира был отвратный. Да и вовремя вспомнил давешний приказ: денег басурманину до боя не давать. Семён не подведёт – свой человек.

Семён, конечно, месячное жалование добровольцу не отдал, но за часть денежного довольствия выдал кипу исписанных ненужных бумаг, которые курильщики обычно выменивали у него на хлебную пайку. А ещё выгодно сторговал бобину тонкой пеньковой верёвки.

– Ты, паря, коли выживешь, заходи почаще, – хитро подмигнул казачку ушлый Семён, – за деньги, я тебе и чёрта достану.

– А вот такие толстые книжки про индейцев найдёшь? – вынул из-под рубахи припрятанное сокровище пацан.

– В полковом обозе таких точно нет, – почесал затылок пройдоха, – но на городском базаре за тушёнку и не такое можно выменять. Ты, главное, паря, в первом бою выживи, а то разоришь меня – я же на твоё жалование товар в кредит выдал.

– Меня, дядя, убить нелегко. Я сын ведьмы, мне сам чёрт брат! – рассмеялся пацан, и через ткань рубашки погладил пальцами заговорённый крестик, подарок старого воина.

В приподнятом настроении Алексей помчался к штабной избе. Заметил у плетня двух куривших сигареты офицеров. Поручик Ширков тоже его увидел, подозвал взмахом ладони.

– Ваше благородие, рядовой Ермолаев к выполнению поставленной задачи готов! – казак показал связку листов бумаги и моток шнура. Роман «Последний из могикан» тоже попался на глаза офицерам.

– Это и есть твой следопыт? – обернулся к разведчику комбат. Майору Николаю Евгеньевичу Вольдшмидту было уже далеко за тридцать, довелось повоевать на Дальнем Востоке с японцами и на Кавказе с турками. – До темноты успеешь дорогу разведать?

– Так точно, ваше благородие! Только и здесь, вечерком, солдатикам постараться придётся.

– Есть ещё идеи? – усмехнулся майор и поощрил взглядом к докладу.

Алексей кивнул на длинный плетень из ивовых прутьев, огораживающий подворье.

– Надо разрубить на секции плетень, чтобы кое-где топкое дно мостить. Припасти побольше верёвок, заранее нарубить тонких стволиков деревьев – мостки городить. Для пулемёта плотик сколотить, и каждому солдату длинную слегу изготовить.

– Ну что же, необстрелянных солдатиков перед боем делом занять – мысль правильная, – выпустил длинную струю сигаретного дыма вверх комбат.

– Ещё бы, ваше благородие, шумнуть посильнее, – раскомандовался казачок, – врагу ночью уснуть не дать, и заодно обходной манёвр роты прикрыть.

– Да ты, батенька, у нас стратег, – весело рассмеялся майор. – Какую академию заканчивал?

– Есаул Донского войска Матвей Ермолаев обучал казацким ухваткам, – не понял иронии офицера паренёк.

– Шумнём, казачок, – по-доброму усмехнулся комбат. – Артиллерийской канонады обещать не могу, но ружейно-пулемётной стрельбой врага побеспокоим.

– Разрешите выполнять?! – вытянулся по стойке смирно Алексей.

– Ну, если у тебя больше распоряжений по батальону нет, то вперёд! – громко расхохотался ветеран. Задор толкового казачка пришёлся ему по душе.

Алексей старательно козырнул ладонью, круто развернулся на каблуках и почти чётким строевым шагом отошёл на десяток метров. Затем, не оглядываясь, припустил вдоль улицы, словно босоногий пацан по родной станице.

– Инициативный у тебя… индеец, – повернулся к поручику довольный комбат и, тяжело вздохнув, погрустнел. – Казачки, вон, за славой в бой рвутся, а наших сиволапых мужиков унтер-офицеры пинками из окопов выпихивают. Ты, Ширков, бойцов делом загружай, пусть лучше плетень на части разбирают и слеги строгают, чем революционную пропаганду слушают. В третьей роте вчера провокатора задержали, украинцев к дезертирству склонял.

– Во вверенном мне подразделении австрийских шпионов нет! – вздёрнув подбородок, отрапортовал комроты.

– А хорошо твой следопыт придумал – угрозу с фланга, – затянулся сигаретным дымом комбат и, медленно выпустив сизую струю, засомневался: – Только найдёт ли дорогу через затопленный лес?

– Есаул сказал, что Ермолаев прошлой ночью ходил в разведку. Участвовал в бою с передовым заслоном и по лесу сумел выйти к нашим позициям, да ещё и раненого казака вывез на коне.

– Ладно, поручик, готовь роту к ночному рейду, – махнул рукой ветеран. – Только заранее никому не говори о поставленной задаче. Шпионов, может, в лагере и нет, а вот канцелярских крыс из штаба надо опасаться, эти без бумажки шагу не дадут сделать… Батальону приказали ударить по флангу после атаки кавалерии, вот и будем бить, как разумеем в военном деле. Если не успеешь к рассвету выйти на позицию, создай хоть шум на фланге – оттяни на себя часть сил австрияков, пока остальные роты будут окопы по фронту штурмовать.

– Так эскадрон казаков первым оборону прорвёт, – не к месту позавидовал молодой поручик.

– Эх, Николай Васильевич, в немецком штабе грамотеи не хуже наших умников сидят, – зло отбросил в сторону окурок сигареты битый войной ветеран. – Поле боя – не карта, гладким не бывает.

Ермолаев вернулся из разведки ещё до темноты, но чтобы скрыть от чужих глаз, в рейд пехотная рота вышла только когда тьма окутала мир. Добрались до заболоченного леса быстро, однако вступили в жуткую тёмную воду лишь с восходом жёлтого диска луны, залившего мертвенным светом притихший гиблый лес. Даже лягушки не квакали, только невидимый филин иногда пугал зловещим уханьем.

Девственную тишь леса вскоре разорвали первые проклятия. Хоть и середина августа на дворе, но вода казалась холодной, солдатские ботинки вместе с мгновенно намокшими обмотками проваливались в чавкающую жижу до колена. Густой липкой грязи оказалось по щиколотку, остальную субстанцию наполняла вонючая муть застоялой воды. И брести по вязкому грунту предстояло ещё полночи, что не придавало бойцам оптимизма. У всех мужиков было одно на уме: «Ночь, луна, не видно не хрена! Куда ползём? Зачем топь гиблую топчем? Лучше бы посуху с утречка за казаками в прорыв пошли».

Впереди растянувшейся колонны важно шествовал казак в чёрных одеждах. За ним медленно чапал по грязи поручик. Потом тянулись по трое солдаты с отрезками плетня над головой. Одиночки несли на плечах вязанки длинных палок. Лишь пулемётное отделение тянуло плотик с пулемётом. Всю цепь скрепляли унтер-офицеры, эти в руках лишнего груза не тащили, кроме длинной слеги, что попеременно использовали для опоры на вязкий грунт или для толчков в упирающиеся спины лениво перебиравших ногами «тягловых мулов» в солдатских гимнастёрках.

Шли вдоль развешанных по стволам деревьев белых бумажных меток. Петляли жутко. Ведьмина Сына поминали при каждом повороте – лес тихо стонал матом. За неосторожный громкий возглас унтера от всей своей широты душевной охаживали крикуна деревянной слегой по горбяке. А вот пристрелить не грозили, ласковым шёпотом обещали штык в глотку вогнать… по самый приклад винтовки.

Угрюмая цепь невольников брела через тёмный лес медленно, очень медленно. Алексей порывался бросить стадо черепах и, прихватив пулемёт, полететь к вражеским окопам. Но оставлять в гиблой топи сотню невинных душ совесть не

позволяла. Солдаты были беспомощны, как слепые инвалиды. Они глубины вод совсем не чуяли. Это для сына ведьмы мир пронизывали потоки Силы, каждый вид материи светился по-своему. Однако проявлять колдовское умение владения гравитационными полями было нельзя. Дядька Матвей уж сколь долго сей запрет вколачивал в сознание крёстного сына. Оставалось только подгонять унылую команду «ласковым» словом, за шкирку вытаскивать застрявших из грязи, помогать слабейшим крепким дружеским пинком. Алексей зверел от осознания своего бессилия ускорить ход инвалидной команды. Он лично метался вдоль строя, унтера уже выбились из сил подгонять несознательную солдатскую массу. К исходу ночи кончилось всё: секции ивового плетня; заготовленные жердины; верёвки, которые проводник закреплял за стволы деревьев, и люди, по пояс в воде, перебирали по ним руками, переползая глубокие воды; унтера даже матерные выражения перебрали все до последнего – сил не осталось тоже никаких.

С первыми косыми лучами света, робко озарившими верхушки лесных исполинов, над взбаламученной водой поднялось сырое марево. Обмундирование вымокло до нитки, многие солдаты подарили жадной топи свои ботинки, другие забили грязью стволы винтовок. Теперь лишь в штыковую атаку идти, но идти-то никому никуда уже не хотелось – только упасть в лужу и сдохнуть в грязи!

Вот солнышко поднялось выше, свет ворвался под серые кроны, придавил сырость к чавкающей под ногами бесконечной грязи. Лёгкий утренний ветерок погнал туман с края леса вглубь топи, мир стал раздвигать видимые границы.

– Наконец-то, господин прапорщик, вышли на рубеж развёртывания, – с облегчением вздохнул Алексей и хлопнул ладошкой по листку бумаги на толстенном стволе раскидистого дуба. – Последняя метка. Через сто шагов лес заканчивается, там рубеж атаки.

– Расстояние до окопов? – устало привалился спиной к дереву поручик.

– Меньше сотни метров, ваше благородие.

– Унтер-офицер Берёзкин, возьми двух бойцов, разведай обстановку впереди. Ермолаев, помоги пулемётчикам, отстали.

Алексей метнулся в хвост колонны, по пути шикая на самых несдержанных на язык – враг близко. Перед рассветом далёкая беспокоящая стрельба прекратилась.

Не успел ещё хвост роты выползти из глубины леса, как со стороны поля послышался топот конских копыт, и грянуло дружное русское «Ура-а-а!!!»

Алексей ухватился за верёвочную петлю и, разбрызгивая грязь, вприпрыжку, один потащил плотик с пулемётом к голове солдатской колонны.

Топот сотен копыт утонул в грохоте пулемётных выстрелов. Клокочущее эхо заметалось в кронах лесных исполинов.

Но всего лишь через минуту, когда Алексей уже дотащил плотик до величественного дуба, мир поразила звенящая тишина. Только спустя время слух стал воспринимать умирающие звуки: жалобное ржание смертельно раненых лошадей.

– Не успел… – зажав уши ладонями, застонал Алексей и упал на колени. Бурая топь злорадно чавкнула, словно обожравшаяся пиявка.

– Со всем уважением казаков встретили, – сквозь стиснутые зубы отметил поручик. – Пулемётов по фронту атаки много натыкали. Пехотный батальон линию обороны тоже не прорвёт – только зря весь поляжет. Ребятки, на нас вся надежда!

– Ударим во фланг! – вскочил с колен казак и ухватился за рукоять шашки – ножны он закрепил ремнём за спиной, чтобы в ногах не болтались.

– Эдак просто австрияков в штыки не взять, – положил ладонь на плечо горячего казачка опытный унтер-офицер.

– Берёзкин, доложи обстановку, – достал револьвер из кобуры поручик.

– Ваше благородие, за кромкой леса, до самых окопов, огроменная лужа. Пока добредём по грязище до позиции австрияков, нас как в тире расстреливать будут. Хочешь из пулемёта, хочешь из ружья пали – по ростовой мишени с

полста метров не промахнёшься. Да и в окопах там не меньше двух рот пехоты засело – сами не сдюжим, ваше благородие.

– До атаки батальона есть время, – глянул на часы поручик. – Попробуем по кромке леса обойти линию окопов и зайти с тыла. Ударим, когда наши в атаку пойдут.

– Там тоже чистое поле, – скривился унтер, – но хоть грязи нет. Может, добежим, может, не успеют пулемёты в тыл развернуть.

– Всё же батальону легче будет, – принял окончательное решение поручик и, не повышая голоса, скомандовал: – Рота, за мной.

– Ваше благородие, дозволь с пулемёта по флангу ударить, – ухватил офицера за рукав Алексей.

– Нам пулемёт без надобности – в штыковую пойдём, – согласился поручик. – Только и здесь позиция плоха. Из грязи не постреляешь, да и сектор обстрела низковат.

– Я пулемёт к дереву привяжу и сектор обстрела приемлемый обеспечу.

– Станок к плотику привязать не проблема, – засомневался штатный стрелок, – но ствол всё равно низко расположен будет – цели не видать. Разве что пехота сама на нас по грязи в контратаку полезет.

– Действуйте по обстановке, – отмахнулся поручик и заторопился в обход вражеских позиций. Рота побрела молча – как на убой шли, особо выжить уже и не надеялись.

У ствола дуба остался пулемётный расчёт из пяти бойцов и причисленный казачок.

– Можа-а, станок тихонечко до самого край леса дотащим, – задумался старший расчёта. – Тогда, если австрияки в штыки на наших полезут, сбоку ударим.

– Да я же говорю: на дерево надо пулемёт затащить, – ошарашил странным манёвром чудаковатый казачок.

– Дурень, там же даже верёвки не помогут, – вылупил глаза на ошалелого профана специалист. – Отдача ствол мотать во все стороны будет, не прицелишься.

– Я станок надёжно в развилке ствола закреплю, – начал деловито обвязывать пулемёт припасённой верёвкой Алексей. – Вы мне потом на дерево коробки с пулемётными лентами подайте. Я верёвку с петлёй спущу.

– Нет там сектора обстрела, мелкие ветви обзор застят.

– Шашкой срублю, – кивнул за спину бойкий казачок.

– Так это же дуб, – пытался образумить сумасшедшего старший, – тут и топором не всякую ветку за раз срубишь.

Однако казачок разумных доводов не слушал, обвязал свободный конец верёвки вокруг пояса и полез на дерево. Надо сказать, взобрался по голому стволу лихо – двумя ножами, что из-за спины выхватил, словно острыми когтями застучал по вековой коре.

– Ух ты, как кошак! – охнул стрелок.

А казачок уже скрылся в густой кроне и пулемёт наверх тащит. Три секунды, и четырёхпудовый агрегат взлетает ввысь. Ещё минута, и из ветвей спускается конец верёвочной петли.

Солдаты пожимают плечами и привязывают три коробки с патронами. Тоже вес не маленький – почитай, два пуда будет. Секунда, и груз рывком затянут на дерево.

Через недолгую паузу, по стволу дуба начинает молотить сумасшедший дятел. Такой грохот всех австрияков по тревоге поднимет!

– Занять оборону! – уже не таясь, зло орёт старший расчёта и, передёрнув затвор карабина, прячется за необъятным стволом дуба. Остальная четвёрка, увязая по колено в грязной жиже, рассыпается цепью за соседними деревьями.

Сверху на голову старшего сыплются срубленные ветки, в воздухе кружат дубовые листья, словно где-то над головой невидимый великан подстригает крону декоративного кустарника, только из гигантских дубов.

Вражеская пехота не рискнула вылезти из окопа на шум, только ощетинилась стволами винтовок. В этот момент русский батальон уже в полный рост, молча, шёл в атаку.

Через секунду австрийские пулемётчики огнём прижали пехоту к земле. Солдаты стремились укрыться за телами павших казаков и их лошадей.

Зло свистящие пули безжалостно добивали раненых лошадей, вскапывали землю у изголовья русских солдат. Свинцовый ливень щедро поливал ратное поле. Небо грохотало.

Но внезапно в жуткую симфонию смерти ворвался отличный от предыдущего рокота размеренный стрёкот одинокого виртуоза. И многочисленный оркестр профанов пристыжено умолк.

Казалось, каждая пуля виртуоза била в мозг. Каждая пулемётная строка ложилась ровненько по линии окопов. На огневых позициях пулемётных расчётов виртуоз выписывал замысловатые узоры, с негодованием ломая и круша инструменты неумелых музыкантов.

Окопы австрийцев затихли, массовка залегла в убогих «оркестровых ямах». Виртуоз не терпел чужую музыку. Стоило поднять инструмент, и мастер тут же наказывал ослушников. Он не шлёпал по попке – бил в голову!

Русский батальон поднялся в атаку с дружным «Ура-а-а!!!»

С тыла тяжёлой поступью пошли в атаку уставшие, перемазанные грязью, товарищи из первой роты.

Но австрийская пехота голов не поднимала. Неведомый строгий виртуоз обозревал сцену, казалось с самих небес. За непослушание он карал только смертью. Раненых в окопах не было, словно чудо-снайпер каждую пулю всаживал в голову.

Русский батальон ворвался в окопы. Австрийцы не сопротивлялись. Оказалось, что все офицеры выбиты поголовно, притом в прямом смысле – поголовно! Вязать пленных и собирать трофеи оставили измученную ночным рейдом первую роту. Ширкову поручили удерживать левый фланг до подхода основных сил полка. Батальон сходу ударил по тылам, где за холмом располагалась артиллерийская батарея и штаб противника. Дальнейший ход боя был предопределён. Враг вынужден либо спешно бросать укреплённые позиции, либо группировке грозит полное окружение и плен.

Текущее сражение, исключительно благодаря мудрости генерального штаба, было выиграно почти без потерь. Досадным недоразумением казалась лишь потеря казачьего эскадрона в самом начале операции. Но, что значит жалкая сотня казачков в сравнении с грядущими наградами за славную победу? Над полем брани грохотало: «За веру, царя и отечество!»

Вот только одинокому молоденькому казачку сей бравый клич колол душу. Для него война только ещё началась, а он уж не верил в праведность массового смертоубийства. И жадному царю служить тоже как-то перехотелось. Отечество, конечно, надо бы защищать, однако война-то сейчас шла на чужой земле. Нуждается ли отечество в такой войне? Тяжёлые думы раскалывали голову четырнадцатилетнему пацану. Он всю свою недолгую жизнь готовился воевать за правое дело, и вот теперь усомнился в праведности начатой всемирной бойни.

У пацана ещё не находились ответы, на бурей кружившиеся в сознании вопросы, но душой он чувствовал несправедливость, неправильность и ненужность разразившейся войны.

Алексей молча отдал пышущий жаром инструмент смерти. Пулемётный расчёт истово крестился и шёпотом бубнил оградительные от бесовской силы молитвы. Так стрелять простой человек не мог!!! Да и дубовые ветви шашкой среза?ть, как солому, тоже не в людских силах. А на окаменевшем скорбном лике юноши глаза горели адским огнём. Когда он задумчиво и бесшумно проплыл мимо солдат, им показалось, что небо придавило всех к земле, даже дыхание перехватило.

Алексей не заметил, как очутился посреди заваленного трупами поля. Любимый конь Сивка пал в бою под есаулом. Изрешечённый пулями казак лежал рядом.

Алексей опомнился от тягостных дум, осмотрелся вокруг. Двое санитаров подъехали на бричке и укладывали на солому раненых пехотинцев.

– А казаки живые есть?! – с надеждой крикнул Алексей.

– Можа и есть кто, – лениво отмахнулся пожилой санитар. – Только мы к дохтору сперва легкораненых отвезём, пока кровью не изошли. А на тяжёлых у дохтора сейчас времени всё одно не будет. Одному всех калеченных не поднять. А ну, как не довезём тяжёлых до лазарета? Почитай тогда зря бричку туда-сюда гоняли. А туточки, во сыром поле, богу душу отдаст хороший человек, которого, наверняка, спасти ещё можно было. Ты лучше, мил человек, подмогнул бы добрым людям. Вот тебе брезент. Найдёшь кого не шибко покалеченного – ложь сюды. Мы с Фролом вернёмся – в лазарет свезём.

Алексей торопливо пробежался по всему полю. Легкораненых уже унесли товарищи. Кого-то увезли ленивые санитары. Но то всё были пехотинцы. Казаков же скосили пулемётным огнём задолго до второй атаки, раненых изначально было мало. Да и на полном скаку с лошади упасть – тоже здоровья не прибавится. Однако хоть время упущено, но троих ещё живых казаков Алексею отыскать удалось. У каждого по несколько пулевых ранений, и переломы костей в изобилии.

Алексей осторожно поднимал обмякшие тела, стараясь не потревожить раны, и на руках, словно детей малых, нёс на расстеленный брезент. Дожидаться «труповозку» он не стал. Санитары правы: доктору сейчас не до безнадёжных пациентов. Алексею оставалось только рискнуть, применив свою колдовскую Силу в полную мощь. И хоть поле просматривалось далеко, но угадать, что творит в кровавом кругу сын ведьмы, сейчас некому. Только из занятых окопов солдаты иногда сочувственно выглядывали на бродившую по полю скорбную фигуру одинокого казачка.

Алексею срочно нужен был надёжный, управляемый источник огня. Он вспомнил, как намучился в прошлую ночь со спичками, прижигая рану дяди Степана. Теперь же в каждом теле казака по три дырки – затворять раны нужно спешно. Алексей побежал к павшему есаулу, вывернул карман. На траву выпала

керосиновая зажигалка и серебряная луковица карманных часов. Алексей взял зажигалку и хотел уйти, но… рука покойного есаула упала на ладонь пацана, прижав её к серебряной крышечке часов. Будто бы извинялся мёртвый есаул за то, что обидел честного казака недоверием, что его станичников на верную смерть повёл, что из мелкой зависти любимого коня у казака отнял.

Алексей вздрогнул от неожиданности, свободной рукой провёл над телом есаула – нет, кровь по артериям не течёт, мертво? тело. Но покаявшуюся душу отказом оскорблять не стал, принял часы в знак примирения.

Низко пролетев подошвами сапог над самой травой, Алексей стремительно вернулся к смертельно израненным казакам. Наклонился над первым, ножом рассёк мундир, открыв раны на груди. Провёл ладонью над окровавленной кожей – гравитационное поле Силы соскребло всю грязь с поверхности. Пальцы лекаря сжались в кулак – из раны тонкой нитью потянулась красная субстанция, сформировалась в маленький шарик и зависла в воздухе. Рука лекаря отбросила шарик в сторону, он кровавой кляксой испачкал траву. Затем пальцы, словно ухватили невидимый мелкий предмет, потянули его вверх. Из раны выползла пуля и, как оса, зависла в воздухе. Небрежным движением чародей отбросил кусок металла в сторону. Пальцем левой рукой сын ведьмы высек кремнем искру, пламя от зажигалки стало медленно расти. Поле Силы ускорило подачу горючей жидкости и сжало плазму, пламя вытянулось тонкой голубовато-алой иглой. Правая ладонь сформировала конфигурацию потока, плазма искривилась и, словно волшебный огненный эликсир, изящной струйкой полилось вглубь раны. Алексей провёл огонь по всему пулевому каналу, затворяя раны. Последней сильной вспышкой ожёг входное отверстие. Противно запахло горелым мясом.

Так Ведьмин Сын повторял раз за разом над каждой раной троих безнадёжных, умирающих казаков. И смерть уступила, дала второй шанс казакам.

Вскоре и Фрол с товарищем подъехал, забрал раненых в лазарет. Алексей лишь чуть попридержал торопыг, наложив шины из длинных веток на поломанные конечности раненых.

Душа парня чуть успокоилась. Но больше убивать во славу царя и веры совсем не хотелось. Алексей нашёл, похоже, лучшее, благородное применение таящейся внутри Силы.

– Эй, старик, а в санитары «охотников» записывают? – дёрнул за рукав медбрата казачок.

– Коли специальные курсы прошёл, то легко. У нас, почитай, половина состава – доброхоты. Вот только есть ли у тебя жилка к нашей работе? Смерти и кровищи не боишься?

– Старик, у меня к кровавой работе призвание, – небрежно стряхнул с рук алые капли сын ведьмы и невесело усмехнулся: – А смерть с малых лет в подружках ходит.

Казак устало сел на край телеги и скрипучие колёса покатили по разбитой дороге войны. Пацану верилось, что именно сегодня он нашёл своё место в суетном мире. Но, как оказалось, у коварной злодейки-судьбы на Ведьмина Сына более изощрённые планы.

Часть 2

Алёша Попович

Глава 5

Чёрный всадник

После двух суток без сна Алексея сморила усталость. Санитары довезли уснувшего казачка до лазарета, раненых отнесли в палатку, а паренька так и оставили лежать в телеге. Сена под голову нагребли, да куском брезента укрыли, как одеялом. Так он и проспал мертвецким сном остаток дня и всю ночь. Лишь только когда уже забрезжил рассвет, потревожили – повар затребовал гужевой транспорт, свежей конинки для гуляша привезти с поля боя.

– Тьфу, на тебя, чертяка! – испуганно отпрянул пожилой бородатый возница, когда из-под брезента вылез казак в чёрной рубахе. Фрол уж и забыл, что вчера сам его укрыл. – Ты, чудо болотное, хотя бы рубаху сменил.

– Так чистая, вроде, – виновато осмотрелся парнишка.

Сын ведьмы умел очищать с одежды грязь и кровь без следа. Неужели после боя забыл отряхнуться?

– Простирнул хорошо, с полынью, – шмыгнул носом Фрол. От казачка пахло душистым сеном. Удивительно, но даже старый отрез дырявого брезента казался выстиранным. Только следы от крови темнели пятнами. – Однако же пора бы тебе сменить косматую папаху и рубаху басурманскую на фуражку и гимнастёрку форменную. Вчерась обозники подвезли со станции обмундирование казачьей сотни.

– Полёг весь эскадрон… вчера, – снял папаху с головы последний казак. В уголках глаз парня ледышками застыли слезинки.

– Война… она, братишка, такая, – снял фуражку Фрол и перекрестился, – у одних грудь в крестах, а у других голова в кустах… Однако же, не след жирных интендантов откармливать. Ты должон свою обнову с Семёна затребовать. Он вчера обмундирование на казаков получил сполна. А то ходишь как чёрный басурманин – людей пугаешь.

– Казакам раньше и так было можно, – не хотел переодеваться в солдатскую гимнастёрку Алексей.

– На дворе не прошлый век, в новой войне всё должно быть защитного цвета. Надысь, мужики баяли, что и коней в зелёный колор красить прикажут.

Фрол печально покачал головой с осуждением такого непотребства.

– Толковая мысль, – не понял солдатского юмора мальчишка и решил-таки сменить старую казачью рубаху на гимнастёрку. – А Семёна я, дядька Фрол, знаю. Сейчас же положенное потребую.

– Только ты сперва мне должон подмогнуть, а уж потом за обновой бежать, – ухватил торопыгу за локоть возница. – Конягу давай впряжём и мясца раздобудем. Небось жрать-то хочешь, ужин-то проспал, а повар мяса чуть ли не полкотелка каждому наваливал. Ротой лошадь сожрали! Беги до кухни, хоть холодного куска конины пожуй. Хлеба-то ещё не напекли.

– Ничего, я хлеба дождусь, – у Алексея сразу пропал аппетит, вспомнил своего Сивку.

– Слыхал, что тебя в обоз сослали, – хитро прищурил глаз Фрол, – но ты с пехотой в ночной рейд сбёг. Наш фельдфебель твоё геройство не оценил, жалобу в штаб подал.

– Так меня сам поручик Ширков в роту взял, в пулемётное отделение.

– Эдак все конюхи разбегутся – не по уставу перевод. Да и не служат вольноопределяющиеся в пехоте. Вот во вспомогательных частях – полно?. Хоть в обозе лямку солдатскую тяни, хоть в телеграфисты там… или в инженерные части подайся.

– В санитары хочу! – загорелся желанием парень.

– Бумагу отпиши форменную в штаб – командование рассмотрит. Только для ускорения дела самогончиком смазать механизм надоть. К Семёну обратись – он всю хитрую канцелярскую механику знает. Но пока ты к обозу приписан, унтер-офицер Зыков твой наипервейший командир. А я – второй после нашего унтера, – хитрый мужичок одёрнул гимнастёрку, крутанул пальцами усы, поправил козырёк фуражки. – Посему, поступаешь в моё прямое распоряжение. Готовь телегу, поедем на заготовку мяса. И рожу кислую не корчь. Солдат должон приказы вышестоящего выполнять!

Алексею очень не понравилась поставленная задача. Война вообще разочаровала мальчишку. Вместо славных подвигов – тупая кровавая бойня. Казачьего эскадрона больше нет, а в пехоту он проситься не будет. Пулемёт уже не казался ему интересной игрушкой и походил больше на мясорубку без ручки. Перемалывать острыми ножами чужие тела мальчишке было противно. Уничтожение роты австрияков не могло вернуть зря загубленные жизни казачьего эскадрона. Чужие смерти облегчения не принесли, Алексей

чувствовал себя мясником на огромной фабрике смерти. А теперь ещё и с трупами возиться предстоит. Как же можно-то коней жрать!

– Э-э, паря, ты на меня глазищи-то не таращ, – попятился обозник от обжигающего взгляда казака. – Никто тебя застывшие трупы рубить не заставляет. Там на поле ещё раненых лошадей полно. Ночью ржание ещё слышно было. Мы божьим тварям только поможем, если милосердно добьём, чтобы не мучились.

– Поможем, – мрачным эхом отозвался сын ведьмы и заторопился на поле брани. Раненых коняшек мальчишке было жалко до слёз. Безвинно страдают бедолаги.

Вдвоём быстренько впрягли старого мерина. Фрол закинул на покрытое сеном дно телеги скрутку мешков, кожаный фартук, острый топор, и взял в мозолистые мужицкие руки вожжи. Скрипучие колёса покатили солдатский «катафалк» за телом павшего в бою четвероногого воина.

Алексей всю дорогу корил себя в душе, за проявленный вчера эгоизм. На своего Сивку так сразу побежал смотреть, а на коней казаков и внимания не обратил! Тогда будто дробь пулемётных выстрелов заложила уши. Только теперь в мозгу ожило жалобное ржание израненных животных. Помочь не мог, так хоть бы добил из милосердия! Совесть раскалённым железом жгла душу Алексею. Но Фрол особо старого мерина не погонял, пока добрались до поля, алая заря уж полыхала в полнеба.

– Тела павших в бою казаков и солдат убрала похоронная команда, – Фрол махнул рукой на виднеющийся на дальнем краю поля плотный строй кладбищенских крестов. – Дотемна вчерась солдатушки работали. Ох и намаялись горемыки с рытьём могил. Вот тяперяча и послали интендантов возиться с убитыми лошадьми. Гляди, вона по полю «стервятники» рыщут, сёдла да сбрую с коней дерут.

Фуражиры подъехали ближе к пыхтящей кучке солдат в пропотевших гимнастёрках. Фрол окрикнул знакомца:

– Василь, где живые коняги лежат?

– На левом фланге двух молодых жеребчиков не добили. Выбирай любого, а то седло снять не даются, лягаются копытами. Да смотри, Фрол, – мясо ваше, сбруя наша. Ха-ха-ха…

– Ага, – кивнул мужик и, чуть отъехав, толкнул локтем казачка в бок. – Значится, в седельных сумках пошуровать ещё не успели. Можа, паря, трофеем разживёмся.

– Трофеи с врага берут, – брезгливо отстранился казак, – а своих обирать – мародёрство.

– Чаво-о? По-твоему значится, добро в землю вместе с мертвяком закапывать надо? – оскорбился честный служивый и бросил косой злой взгляд на косматую папаху чернявого паренька. – Такое только у вас, басурман, было принято делать, и то в дикую старину, когда курганы над могилами насыпали. А в нонешней ци-ви-ли-за-ции, даже турок так своих братов не хоронит.

– И много ты похорон турок зрел? – скептически фыркнул казачок.

– Да уж в молодые годы пришлось и на Кавказе повоевать, – важно подбоченился повидавший жизнь мужик. Фрола жутко раздражала непрактичность спесивого юнца. То малец от конины нос воротит, то трофеями брезгует. – А тебе, паря, с такими прынципами в попы надо было податься, а не «охотником» в армию проситься. Чужой ты на войне.

– Я везде чужой… – горько вздохнул сын ведьмы. – Но принципы мои верные, меня и правда, воспитывал поп… Настоящий.

Телегу сильно тряхнуло. Фрол даже зубами лязгнул.

– Приехали, поповский сын, слезай. Вон энтого гнедого кончать будем. А то ко второму подъезд неудобный, сплошные кочки.

Алексей спрыгнул с телеги, обошёл вокруг раненого коня. Бросил беглый взгляд на другого кандидата в поварской котёл и вынес окончательный вердикт:

– Катись, дядька Фрол, к дальнему, у того, кажись, передние ноги сломаны – мне его не поднять.

– Вот дурында, мы же коня не в поводу за телегой потащим, и в телегу задом усаживать тоже не собираемся. Чего животину целиком поднимать? Пошто топор с мешками брали?

– Гнедого я подниму, – размял пальцы сын ведьмы и зло буркнул: – а уж другого калеку сам добьёшь.

– Топором, что ли?! – возмутился Фрол. – Я же винтарь с собой не взял – думал, что ты животину из своего пистоля дострелишь. Неужто пули для божьей твари пожалеешь?

– По-жа-ле-ю, – вытянув вперёд обе ладони, осторожно подступил к раненому коню странный казачок.

Бедное измученное животное даже голову не смогло приподнять. Лишь настороженно ушами пошевелило и скосило огромный глаз с застывшей слезой.

– Куда грабарки к боевому коню тянешь! – предостерёг опытный возница. – Зубами куснёт, вражина, или копытом лягнёт!

Но Алексей в рекомендациях не нуждался. Он немигающими глазами уставился на коня, будто зачаровывал колдовским взглядом, и медленно так приближался, как змей к кролику подползал.

Плотная подушка гравитационного поля туго сдавила шею коня. Гнедой закрыл глаза и задышал ровно, словно уснул. Сын ведьмы сел со стороны брюха, совсем не опасаясь убийственных копыт, и начал шаманить ладонями над пулевыми отверстиями в шкуре животного. Потом на миг замер, оглянулся и показно перекрестился.

– Езжай, дядя Фрол, порученным делом занимайся. Я тут сам…

– Вот бог послал напарничка, – посетовал Фрол и тоже нехотя перекрестился. – Никак лошака из мёртвых удумал поднять, поповский сын.

Фрол торопливо развернул телегу и направился прочь от… то ли чудотворца, то ли сумасшедшего басурманина. Присутствовать при таинстве воскрешения или… бесовском шабаше простоватому мужику совсем не хотелось. Он решил по-быстрому сгонять к «стервятникам», разжиться на время винтовкой. Ведь по-любому ствол пригодится, хоть коня дострелить, хоть от чернявого беса оборониться. Ну не походил казачок на набожного исусика, правда, серой тоже не вонял, но вот под папахой вполне рожки прятаться могли. Фрол троекратно перекрестился и, даже выпросив винтовку, настороженно возвращался по широкой дуге. Когда объезжал чёрного волхва, со стороны заметил у того между ладоней пляшущий язычок пламени.

– Спаси и сохрани от нечистой силы, – истово крестя бороду, запричитал мужик.

Фролу пришлось самому пристрелить раненого коня, а потом топором порубить на куски и сложить провизию в мешки. Всю телегу мясной тушей заполнил, сам еле на краешке разместился. Со злорадством подумал, что щепетильному пареньку свободного места не осталось. Пусть теперь пешака двигает, не захочет ведь порты марать, сидя на мокрых мешках.

Солнце уж выглянуло из-за рощи. Вдвоём бы оно, конечно, сподручней животину разделывать, но казачок помогать и не думал. Всё это время с дохлятиной провозился. Ясно же сразу, что конь не жилец – в одной только задней ляжке Фрол издали пять дырок насчитал. Передок вроде цел, но кому такой скакун без ног нужен? Это солдата могут вылечить и пенсион инвалиду назначить, если за подвиги Георгия заслужил, а коня ноги кормят, не будет никто возиться с калекою.

– Не должно то, – в сердцах бросил окровавленный топор в телегу Фрол, снял кожаный фартук и отёр испачканные руки пучком соломы. – Эй, лекарь басурманский, нам ужо вертаться пора! Бросай своего доходягу!

– Эх, дядька Фрол, своего-то Сивку я не уберёг, – печально вздохнул Алексей и ласково потеребил конскую холку. – Зато чужого друга спасу. Просыпайся, воин, пошли домой.

И челюсть у Фрола отпала – конь поднялся, как примятая трава!

– Матерь божья! – перекрестился мужик. – Как же он встал? У него же ноги пулями изрешечены.

– Кости целы, а мясо нарастёт, – не отрывая руку от холки коня, усмехнулся проделанному фокусу Алексей.

Ведьмин сын изменил гравитационное поле так, чтобы конь только в небо не воспарил надувным шариком. Видел Алексей такие разноцветные на ярмарке, дорого стоили, баловство только для богатеев.

Одной рукой поддерживать баланс Силы Алексею было непривычно. Казак орлом взлетел в седло, будто бы вновь на верного Сивку вскочил. Гравитационное поле симметрично изменилось вокруг сына ведьмы.

Конь, не чувствуя седока и собственного веса, удивлённо повертел головой. Боль исчезла, только одеревеневшие мышцы плохо слушались. Наездник тронул поводья, и конь привычно двинулся вперёд. Подковы не оставляли отпечатков на влажной от росы траве, отчего неспешный ход ожившего коня сопровождало лишь шуршание раздвигаемых стеблей. Чёрный всадник почти беззвучно плыл на фоне далёких кладбищенских крестов, словно призрак над погостом. Лёгкая дымка утреннего тумана скрадывала силуэт, и уже не так бросалось в глаза, что конь едва перебирает копытами, при этом двигаясь со скоростью обычного кавалерийского шага.

Алексей медленно удалялся в сторону дальнего хутора.

Фрол лязгнул зубами, закрыв рот, и с чувством троекратно перекрестился. Вера в бога неимоверно окрепла в его душе. Однако следовать за парящим над землёй чёрным ангелом мужик был ещё не готов. Да и присяга звала солдата в другую сторону – на кухню к котелку с горячей кашей. Фрол стегнул ленивого мерина и, немилосердно ударяясь задницей о доски телеги, запрыгал по кочкам в сторону полевого лагеря. На пути он лишь чуть приостановился у группки солдат интендантского взвода.

– Эй, Василь, винтарь и седло сам заберёшь! – крикнул на ходу Фрол и взмахом указал направление.

– Ну, ты, дружбан, и жучара! – возмутился такой наглости интендант, сразу уловив единственное число трофейного имущества. – Стой! Верни второе седло!

– То вещь чёрного казака, – оглянулся через плечо мужик и опять истово перекрестился. – Последнего казака погибшего эскадрона.

– Того, что ли? – небрежно глянул вдаль Василь и, разглядев в сером мареве тумана удаляющийся призрачный силуэт, испуганно замер.

Чёрный всадник, словно мираж, плыл в сизых волнах тумана вдоль крестов кладбища. А за его спиной из-за зубчатой стены тёмной рощи вставал алый полыхающий шар солнца, подсвечивая низкие облака багрянцем, будто кровь в небе кто пролил.

– Святые угодники, – перекрестился интендант. – Никак, мертвец восстал…

– Не-е-е, только ко-о-нь! – тряся зад по ухабам, нахлёстывал мерина Фрол, стремясь убраться побыстрее с чёртова поля.

Василю тоже страстно захотелось оказаться подальше, но за винтовкой и брошенным седлом пришлось идти. Прежде чем утащить имущество в общую кучу, бывалый солдат деловито обшарил седельные сумки. Удивило, что, похоже, дружок Фрол совсем ничего себе не взял. Василь решил осмотреть место, где лежал второй сбежавший мясной окорок. Может, из имущества осталось что?

– Святые угодники! – отшатнулся от окровавленной примятой травы Василь.

На проплешине кто-то выложил крест из пулемётных пуль. Любопытство у солдата исчезло мгновенно, он накинул на плечо ремень винтовки, взгромоздил седло на спину и поскакал по полю, как пришпоренный конь. Нераспотрошённые седельные сумки так и остались валяться на помятой траве. После эмоционального рассказа Василя никто не отважился пойти на проклятое место. Раненого гнедого видели все бойцы интендантского взвода – доходяга не мог сам встать на простреленные ноги. Только колдовская сила способна поднять обречённого на смерть. А уж скакать на почти мёртвом коне под силу лишь чёрному призраку.

Никто не знал, что это за странный казачок приехал на телеге с Фролом, а осторожный мужик лишь крестился и пожимал плечами, мол, от края погоста незнакомого попутчика подвёз. Казак хотел убитого коня разыскать на поле брани, да взять из седельной сумы вещь ценную. Вот и появилась легенда, будто бы Чёрный Всадник погибшего эскадрона восстал из мёртвых, нашёл своего боевого коня, вынул из тела все пули, выложил животворящим крестом и ускакал на погост, к братам-казакам. Ибо после этого случая казака в чёрной рубахе больше никто не встречал в полку – Алексей тем же днём переоделся в гимнастёрку защитного цвета, а в лицо его только Фрол видел. Не нашли и того раненого гнедого коня – Алексей отвёл его на хутор, наказав крестьянину спрятать в сарае и откармливать, пока раны не затянутся. Хозяин был несказанно рад подарку судьбы. С такими отметинами на шкуре коня точно не реквизируют для нужд армии, а пахать казацкий конь был приучен. Молодой казачок ещё и седло хозяину оставил, денег не взял. Зато не побрезговал отобедать и согласился принять в дар пятилитровую бутыль домашнего вина полувековой выдержки.

Отправившись назад в расположение полка, Алексей размышлял всю дорогу о превратностях новой войны. Похоже, конница больше не является главной ударной силой. Артиллерия и пулемёты будут теперь царствовать на поле брани. Алексей не хотел больше воевать в кавалерии. Настоящая война – не воинский парад. В землю придётся глубже зарываться, а в атаку на карачках по грязи ползать. Нет больше красивым благородным животным места в боевом строю.

– Эх, друг Сивка, прости, что не уберёг от смерти глупой! Эта война была не твоя!

Никогда больше Алексей не поведёт невинную доверчивую живую душу на убой. Да и сам в мясники не пойдёт. Мальчишка окончательно утвердился в решении спасать чужие жизни, стать санитаром.

Глава 6

Обозный богатырь

С ценным подарочком от крестьянина Алексей заявился в полдень к штабной избе. Линию фронта передвинули на бывшие позиции австрияков, а все тыловые части решили оставить в селе. В домах условия проживания получше, чем в окопных блиндажах, поэтому штаб, медсанчасть и кухня разместились с комфортом.

– Дядь Семён, выдь за хату, погутарить надо, – вытянув вверх руку, легонько стукнул в мутное стекло оконной рамы Алексей. Расположение рабочего стола Семёна он знал с прошлого посещения.

Фамилию Семёна Исааковича Вездельгустера редко кто мог выговаривать без ошибок, а по отчеству рядовой состав в армии не величали, поэтому штабного клерка все кликали просто – Семёном. Только молоденький казачок обращался к этому двадцатилетнему упитанному телу с приставкой – дядя. Но Семёну наивный паренёк сразу приглянулся, на простачке можно чуток подзаработать. Шустрый работник канцелярского стола себя долго ждать не заставил.

– Рад видеть молодого человека во здравии, – зайдя за угол дома, улыбнулся гостю Семён. – Наслышан уже о твоих подвигах.

– Это которых? – насторожился Алексей.

– Ты уж со счёта сбился? – рассмеялся Семён. – Я читал прошение поручика Ширкова о награждении геройского казака Георгиевским крестом. Только, извини, но бумагу твою завернули.

– Куда завернули? – мальчишка всё же ещё мечтал о блестящих медальках.

– Штабс-капитан Хаусхофер лично разорвал представление к награде, – показал пухленькими ладошками сей пакостный процесс Семён, который из-за этого лишился верного магарыча от награждённого. – Не по форме было подано. Не может пехотный поручик писать наградной лист чужому казаку. Тем более что ты на тот момент вообще к обозу приписан был. На тебя даже жалоба пришла о самовольной отлучке.

– Не нужна мне такая награда, – нахмурил брови казачок. Алексею действительно не хотелось ползти на вершину славы по костям погибших станичников. – Не сумел я казачий эскадрон спасти.

– Ну и много же, парень, ты на себя берёшь, – добродушно рассмеялся наивности героя Семён. – Всех может только господь бог спасти, да и тому, похоже, сейчас недосуг. А твой фортель с обходным манёвром по болоту и меткая пулемётная стрельба помогли пехотному батальону почти без потерь прорвать фланг противника. Это я дословно цитирую Ширкова. Кстати, всем офицерам, участвующим в операции, теперь награды вручат. Даже твой злейший враг, штабс-капитан Хаусхофер на медаль себя записал.

– Да не интересны мне эти побрякушки, – недовольно прервал клерка Алексей. – Ты мне положенное по уставу отдай.

– Приходи к вечеру за своим месячным жалованием, раз уж выжил, – поморщился Семён. – Я только долг вычту.

– Да это подождёт, – отмахнулся парень. – Ты форму новую выдай.

Семён опытным взглядом окинул статную фигуру бойца.

– Ладно, найду подходящий размерчик.

– Ну, я даже не за этим пришёл, – смущённо потупился казачок и вывел руку из-за спины. – Вот – взятка.

Пятилитровая бутыль сверкнула стеклом на солнце. Божественный виноградный нектар засветился в его лучах чудным янтарным цветом.

Семён воровато оглянулся, но место было укромное – правильно разведчик выбрал точку. Семён осторожно принял тяжёлый сосуд, правой рукой прижал к груди, левой вынул тугую пробку. Аромат говорил всё!

– Даже пробовать не буду – это чудо, – с наслаждением понюхал пробку гурман. – Я до армии служил приказчиком в винной лавке, толк в хороших напитках знаю. Чего просишь? Подделать твой наградной лист? Я согласен, это восстановит в мире попранную чужой рукой справедливость.

– За напрасную смерть казаков награды не приму! – решительно замотал головой Алексей. – Дядька Семён, запиши меня в санитары. Я должен в

искупление спасти сто солдатских жизней.

– Эх, этот юношеский романтический максимализм, – обнимая ценную бутыль, подсчитывал уже прибыль бывший приказчик. Семён себя уже давно в душе ощущал старым скептиком. – Чего мелочиться-то: убивать – так эскадрон, спасать – так целую роту. А бедному Сёме судьба – только бумажки перекладывать. И добро бы денежные купюры, а то ведь кипы пустопорожней бумаги ворочать приходится.

– В любой профессии есть свои мастера, – польстил клерку Алексей. – В полку тебя уважают.

– Вот это называется – уважают!!! – потряс бутылью мастер эпистолярных дел. – Другие за понюшку табака норовят запрячь.

– Ладно, пойду я, небось, фельдфебель жутко на меня серчает.

– Считай, что вторую жалобу от Зыкова я уже потерял, – хитро подмигнул штабник. – Ты, Алёшка, не беспокойся – через час сам тебя разыщу и приказ о переводе вручу.

Семён любовно погладил ценную бутыль, поднял к солнцу, залюбовался игрой цвета. Оглянулся на казака, но говорить уже было не с кем. Паренёк бесшумно исчез. Как смог разведчик, не произведя ни звука, перемахнуть через покосившийся скрипучий забор – загадка.

Через пять минут Алексей уже предстал перед разъярённым фельдфебелем Зыковым.

– Явился, ещё один сын степи! – потрясая кулаком у лица казака, бушевал дородный детина. Фельдфебелю очень уж хотелось двинуть казачка в наглую невозмутимую морду, но пыл крикуна охлаждали кобура с револьвером на боку «охотника» и его уверенный взгляд. – Устроил тут мне запорожскую вольницу! Мало мне мороки с дикими ногайцами, так ещё и за казаками следи! Тебя к обозу причислили, так и должен служить здесь! Жрать кашу с мясом каждый горазд, а дров нарубить – так охотников нет! Ты глянь, что сыны степи учудили, – фельдфебель обвиняюще ткнул пальцем-сарделькой в сторону кучи напиленных чурок. – Поручил ногайцам старые брёвна на чурки распилить. Так

ленивые «чурки» их так напилили, что топором не расколешь – хоть ещё в полтора раза распиливай. У тебя, басурманин, в степном ауле, поди, тоже печи коровьими лепёшками и хворостом топят?!

– Я живу в казачьей станице, рубить дрова умею, – спокойно ответил Алексей.

– Вот, «охотник», и отрабатывай жалование. Пока кучу вполовину не уменьшишь, к котлу за жратвой не подпущу!

– Почему только половину? – небрежно бросил взгляд в сторону горы дровеняк Алексей. – К ужину всё поколю.

– Глядите-ка, какой обозный богатырь выискался! – издевательски рассмеявшись, призвал кухонную братию в свидетели фельдфебель. – Чтобы никто басурманину крошки хлебной не давал, пока всю дровяную кучу не осилит!

Обозлённый фельдфебель презрительно отвернулся от наказанного самовольщика. Алексей, под насмешливыми взглядами кашеваров, подошёл к месту подвига. Скинул с плеч кожаные ремни портупеи, вместе с пристёгнутой кобурой револьвера повесил на рожки деревянного козла. Рядом водрузил папаху. Плавным движением стянул через голову рубаху, аккуратно сложил. Сторонние зрители увидели мускулистый торс и накачанные мышцы рук казака.

– А и впрямь богатырь! – ахнул один из провинившихся ногайцев, что ножом неумело счищал кожуру с картошки.

– Ты пальцы смотри себе не обрежь, морда басурманская! – прикрикнул Зыков на штрафника, а сам тоже завистливо глянул на стройного атлета – ни капли лишнего жира!

Алексей уже понял, что на фронте полностью скрывать свои чудо-способности не получится, да и глупо. Но вот камуфлировать истинное проявление Силы следовало тщательно. Поэтому он не стал полностью обнулять гравитацию вокруг деревянного чурбака, лишь приемлемо уменьшил силу тяжести, чтобы смог его легко поднять на вытянутой руке. Заодно решил поупражнять крепость хвата пальцами – впился левой рукой, словно клещами, в боковину длинной чурки. Картинно изображая усилие, Алексей медленно поставил её на массивную

дубовую колоду для колки дров.

У ног валялся тяжёлый топор. Алексей опустил правую руку, неосторожно применив Силу, и длинное потёртое топорище послушно встало вертикально. Пришлось запоздало изобразить движение ступнёй, якобы ей ловко поставил топор торчком, прямо под руку. Сила отрицательной гравитации стремительно подняла топор в воздух – отпусти, и улетит ввысь. Конечно, подпрыгнет недалеко, но фокус с неожиданной левитацией предметов поразил бы зрителей наповал. Однако Алексей не жаждал дьявольской популярности, он просто должен наколоть дров. Занятие скучное, хотя и это упражнение можно использовать для саморазвития. Не только грубой физической силы, что здоровью тоже польза, но и для оттачивания мастерства управления колдовской Силой.

Алексей отступил на шаг, придал железу увеличенную положительную гравитацию и направил острое лезвие в середину чурбана. Топор с хищным свистом промелькнул в воздухе и с громким треском легко рассёк деревянную чурку пополам. Алексею только не понравилось, что он не смог точно рассчитать силу, и лезвие чуть углубилось в дубовую колоду. При последующих ударах он старался вовремя гасить ускорение, задавая в последний момент отрицательный знак гравитационной тяге. Чурбачок при этом тоже норовил подпрыгнуть, но его можно и рукой попридержать. А отколотое полено пусть само в кучу дров отлетает – не беда, спишется на динамику отдачи от удара.

Разрубленный надвое чурбан Алексей не стал больше половинить, решил строгать с краю. Колдовской силой воздел топор над головой, левой рукой развернул чурбан, и лезвие срезало тонкий брусок. При втором ударе сталь даже не достигла дубового пня. В конце удара полено само со звоном отскочило в сторону.

Алексей взмахнул топором – следующее тонкое полено отскочило вбок. Ещё несколько точных ударов и пришёл черёд второй половины разрубленной основы. Алексей быстро приноровился к ритму чередования знаков заряда силового поля, даже руку не убирал от обрабатываемой чурки. Топор взлетал и опускался, словно метроном, отсчитывающий ритм игры музыканта.

Алексей виртуозно играл на ударном инструменте. Он, как заведённый механизм, выстукивал чёткий ритм, будто крутил ручку детской шарманки. И темп игры постепенно всё возрастал. Но Алексей уже работал на автомате,

ничего не замечая вокруг. Только деревянные чурки звенели под ударами стали, и эхом вторили глухие удары отскакивающих в сторону поленьев.

Руки делали однообразную поточную работу, а мозг освободился для философских раздумий. Алексей обдумывал своё будущее на чужой войне. Кровавая бессмысленная бойня уже не увлекала. Воин никогда не имел садистских наклонностей. И даже когда совсем ещё мальчишкой резал по ночам ножом волков, он действовал по необходимости. Если враг бежал, он не преследовал хищника. Цель – защита станицы, снятые шкуры – лишь боевые трофеи. Крови сын ведьмы не чурался, но чужая смерть не опьяняла. Алексей рассматривал смерть как необходимую рутинную работу. Такую же, как колка дров для печи. Рубить вражьи головы он мог абсолютно без угрызений совести. А страха мальчишка не ведал вообще, лишь разумной осторожности учил его старый воин. Ещё крёстный отец воспитывал в мальчишке чувство долга. Оно-то и не позволяло бросить гиблое, неправое дело и вернуться в родную станицу. Хотя, может, по малолетству он чего-то не понимал в большой войне. Из фронтового окопа не видно всей картины великой баталии. Линия фронта растянулась на полконтинента. Кто знает, какие гениальные стратегические замыслы роятся в головах мудрых генералов? Им было не жалко пожертвовать сотней казачьих жизней за продвижение на пяток километров.

Из подобных бессмысленно загубленных сотен жизней ткалось полотно великой войны. Правда, за что идёт Первая мировая война, Алексей совершенно теперь не понимал, впрочем, как и миллионы простых солдат. Вначале говорили, что враг напал на Русскую империю. Но бои сразу развернулись на территории Австрийской империи. Говорили, что идём защищать братьев-славян. А где они, те братушки? Село будто вымерло, все жители убежали от войны. Нужна ли местным крестьянам такая защита? Лошадей изымают интенданты, хлеб из амбаров выгребают фуражиры. Артиллерия рушит дома. Поля и сады заброшены, конница вытаптывает последние пшеничные колоски, а стволы плодовых деревьев идут на укрепления окопов или просто на дрова.

Алексей всё злее и быстрее размахивал топором. Железное лезвие безжалостно крошило пеньки на остробокие поленья. Гора чурбаков таяла на глазах. Темп взмахов возрос настолько, что, казалось, топорище превратилось в ударную палочку, выбивающую боевой марш на полковом барабане.

Все обозники прекратили работу и, открыв рот, заворожённо следили за игрой виртуоза на чудном ударном инструменте.

– Вот сын ведьмы разошёлся, – сжав зубы, недовольно процедил фельдфебель, когда к нему подошёл Семён со свёртком в руках. Зыков нервно кивнул в сторону возмутителя спокойствия. Куча дров скоро закончится, а важному местному начальнику не хотелось быть проигравшим в споре с пришлым казачком. – Семён, может, ты остановишь этого басурманского шайтана. А то вся работа встала. Не ровён час у поваров каша подгорит, а спрос с меня будет.

– Казак дрова рубит, словно шашкой кочан капусты шинкует! – восторгался вместе со зрителями Семён. Но свою выгоду хитрый еврей находил в любой ситуации: – Зыков, первый каравай горячего хлеба мне отдашь – пробу сниму.

– От пуза накормлю, Семён, только останови шайтана!

– Смотри, Зыков, не пожалей потом, ты сам попросил, – пригрозил пальцем Семён. – Такого работника лишишься.

– Да забирай себе в штаб этого басурмана, – отмахнулся фельдфебель. Мужик уже боялся неуправляемого казака. Видно, не зря слух прошёл, что этот мстительный казачок в одиночку целую роту австрийцев смясорубил. Только пехотинцы говорили, будто бы то с пулемёта было, хотя такой рубака мог и шашкой нашинковать. А ещё выпивший переводчик из штаба тоже брехал за столом, что пленные венгры про двух чёрных казаков поминали: будто бы те позапрошлой ночью заманили в лес конный разъезд и всех там порешили – поутру лишь всадники без головы по краю болота бродили. Зря тогда не поверил никто пьяным россказням. Ох, вправду, есть умельцы среди казаков лихо шашкой махать!.. Топором тоже!

– Ну, Зыков, тут одной бутылью самогона не обойтись, – набивал цену прожжённый коммерсант.

– А если за спирт? – не пожалел припасённого дефицитного товара фельдфебель. – Чистый, как слеза.

– Ведро! – жадно загорелись еврейские глазки.

– Три литра, – скривившись от абсурдного запроса, понизил ставку Зыков.

– Пять!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sedyh_aleksandr/syn-ved-my

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить